

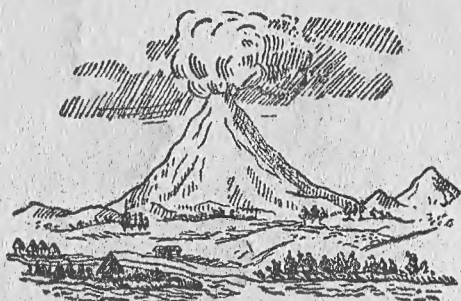
26.8г

К 18

РУССКИЕ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Л. Г. КАМАНИН

ПЕРВЫЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛИ
ДАЛЬНОГО
ВОСТОКА

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА - 1946

26.87

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Л. Г. КАМАНИН

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1946

294408
Обл. №
Библиотека им.
В. Валиханова
г. Джамбуз

УЧЕТНОЕ
Гос. Под. №
ИНБ № 8909
БИБЛИОТЕКА

История географического изучения земного шара не знает столь быстрого продвижения в освоении новых земель, чем то, которое мы видим в конце XVI века, когда русские казаки, в течение полувека со времени окончательного водворения за Уралом, сумели пересечь всю Сибирь и выйти к берегам Охотского моря.

История сохранила много имен славных пионеров изучения Сибири, которым географическая наука обязана первыми обстоятельными известиями об этой обширнейшей части нашей родины.

Настоящая книга повествует об исследователях Камчатки и Приамурья. Два рассказа в ней посвящены первооткрывателям этих территорий — якутскому пятидесятнику Владимиру Атласову и письменному голове Василию Пояркову, а остальных два — академику Степану Петровичу Крашенинникову и адмиралу Геннадию Ивановичу Невельскому.

С. П. Крашенинников, один из первых русских академиков, создал образец географической монографии о Камчатке, непревзойденной для своего времени и не потерявшей научного интереса и значения до наших дней, несмотря на почти 200 лет, отделяющих нас от времени ее появления в свет. Г. И. Невельскому принадлежит честь окончательного установления островного положения Сахалина и первых шагов на пути изучения и освоения Приморья, Приамурья и южного Сахалина, где им впер-

вые был поднят русский флаг. Практические результаты инициативы Г. И. Невельского были огромны. Только настойчивость и патриотизм Г. И. Невельского, который верно понял и оценил огромное значение Приморья и Приамурья, спасли для нашей родины этот богатый край от угрозы его захвата иностранцами, которые стали тогда появляться в низовьях Амура.

Этим замечательным деятелям русской географической науки и посвящается наша книга.

ВЛАДИМИР АТЛАСОВ И ОТКРЫТИЕ КАМЧАТКИ

В середине XVI века английские купцы в поисках новых морских путей в Индию снарядили под начальством сэра Хью Виллоуби крупную экспедицию. Целью экспедиции было отыскание северо-восточного прохода из Европы в Восточную Азию. Обстоятельства сложились так, что один из кораблей экспедиции, руководимый Ричардом Ченслером, был заброшен на северное побережье России.

Эта случайность способствовала установлению постоянных торговых связей между Западной Европой и Россией, тем более, что и правительство Ивана Грозного было заинтересовано в развитии торговли с западом, где находили сбыт такие товары, как кожа, пенька и, главным образом, пушнина, дававшая большие доходы.

В поисках драгоценной «мягкой рухляди» «промышленные и охочие людишки» проникают далеко на север, в Печорский край и за Урал, где быстро осваивают новые, слабо заселенные, но зато богатые зверьем земли.

В 1582 году Ермак Тимофеевич приносит в дар царю Ивану IV завоеванную им сибирскую землю, а уже через 30—50 лет из далекого Якутска выходят ватаги русских «землепроходцев» — казаков. Двигаясь на восток, «встречь солнца», они осваивали новые и новые, неведомые никому земли, руководствуясь русской смекалкой да чутьем, забирались в глубокие таежные дебри и потом возвращались к родному крову. Через 57 лет после появления казаков Ермака на Иртыше служилые и охочие люди из отряда Ивана Москвитина на побережье Тихого океана основали первое русское поселение. Немного позднее другой казак — Семен Дежнев, — отправившись на поиски устья реки Анадыря, прошел морским проливом между Азией и Америкой.

Налаживаются новые отношения, создаются для управления буйными ватагами казацкой вольницы приказные избы и воеводские канцелярии.

И администрация и казаки, продвигаясь по Сибири на восток, посылали в специально созданный в Москве для управления Сибирью Сибирский приказ донесения, челобитные и «скаска». Эти документы вместе с разного рода другими показаниями «всяких чинов людей», знавших «подлинно городки и остроги, и урочища, и дороги, и земли», дали материал для первой карты Сибири — «Чертежа Сибирския Земли», составленной в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича и распоряжению тобольского воеводы Петра Годунова.

На годуновском «Чертеже» указана река Камчатка. Это свидетельствует о том, что русские побывали на Камчатке задолго до посещения ее в 1697 году якутским пятидесятником¹ Владимиром Атласовым. Однако, Атласов был первым, доставившим известия о Камчатке, дошедшие до нас в письменной форме.

Участник Великой северной экспедиции академик С. П. Крашенинников, лично побывавший на Камчатке и имевший возможность беседовать со старожилками «из российских служивых», писал: «кто первый из российских людей был на Камчатке, о том нет достоверных свидетельств». Идущая от него литературная традиция в числе таких возможных первых русских, попавших на Камчатку, называет каких-то спутников Дежнева и Федота Алексеева, возможно даже самого Алексеева, построивших зимовье и долго живших вблизи устья р. Камчатки.

Быть может кто-нибудь из этих людей, а возможно и других живших на Камчатке раньше их, сообщил в Тобольск какие-то не дошедшие до нас сведения, послужившие основанием для изображения на «Чертеже» Годунова реки Камчатки.

Якутский казак Лука Морозко в 1696 году добрался до реки Тигиль на Камчатке и привез, очевидно, какие-то важные известия, окончательно повлиявшие на решение Атласова предпринять экспедицию на Камчатку, которая

¹ Пятидесятниками назывались в то время люди, знакомые с ратным делом и командовавшие небольшими военными отрядами.

была организована на средства, занятые Атласовым под «кабальные записи», то-есть в долг под проценты.

Якутский воевода М. А. Арсеньев, которого Атласов поставил в известность о своих намерениях, сочувствовал плану Атласова, но, боясь ответственности, не решился дать официальный приказ о походе на Камчатку и ограничился лишь устным согласием.

В последующих «отписках» Арсеньева в Сибирский приказ он пишет об Атласове, как о человеке фактически присоединившем Камчатку к Москве. Это указывает на то, что мысль о походе принадлежала Атласову, иначе успех предприятия воевода безусловно приписал бы себе.

В начале 1697 года Атласов выступил из Анадырского острога в сопровождении «ватаги» из 120 человек — 60 человек русских служивых и 60 «ясашных юкагирей»¹, взятых им для «собольего промыслу». Соболями и другими мехами, которые он предполагал привезти с Камчатки, Атласов намеревался расплатиться с долгами. Перевалив на оленях через «Великие горы», как тогда называли Корякский хребет, Атласов вступил в совершенно неизведанный еще край. Встреченное им «подле моря на губе» население он называет «коряками и люторами». Можно предполагать, что это название Атласовым произведено от Олюторской губы, где они жили; возможно однако, что это была река Пенжина, впадающая в Пенжинскую губу, где жили коряки-олюторцы.

Атласов собрал с местного населения ясак и двинулся на юг вдоль западного берега. Отряд был разделен на две партии; одну партию, под начальством уже побывавшего на Камчатке Луки Морозко, он послал на Восточное море (так тогда называли Тихий океан), а с другой направился сам вдоль побережья Пенжинской губы. Первая встреча с местным населением прошла вполне мирно, но затем Атласов столкнулся с яростным сопротивлением коряков, которые наотрез отказались платить ясак и «грозили побить его». При таких условиях, почуя в коряках силу, сопровождавшие Атласова ясашные юкагиры внезапно изменили ему. Нападение их хотя и было неожиданным, однако, по счастью для Атласова, не закончилось полным

¹ В настоящее время юкагиры называются одулами.

разгромом; все же из оставшихся с Атласовым служивых трое было убито, а 15 ранено, в том числе «в шти местах» сам Атласов. Казаки, отбив юкагиров и нанеся им огромные потери, решили не бросать начатого предприятия и продолжали поход к югу, где на реке Тигиль Атласов должен был снова встретиться с Лукой Морозко.

В июне—июле 1697 года Атласов направился вглубь полуострова, вверх по течению реки Тигиль, и там вышел в относительно гуще заселенную долину реки Камчатки. Здесь, при устье речки Канучь, левого притока реки Камчатки, Атласов поставил крест, на котором были вырезаны следующие слова: «7205 (т.-е. 1697) году, июля 18 дня, поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи 65 человек». Этот крест видел и текст вырезанной на нем надписи записал посетивший Камчатку спустя 40 лет С. П. Крашенинников.

В своих «скасках», обнаруженных среди дел Сибирского приказа, Атласов сообщает массу бытовых и географических подробностей, касающихся всего виденного им на Камчатке. Л. С. Берг, автор великолепного исследования, посвященного открытию Камчатки и камчатским экспедициям Беринга, отмечает, что, судя по характеру собранных им сведений, Атласов «обладал недюжинным, пытливым умом и большой наблюдательностью... Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII веков, не исключая и самого Беринга, не дает таких содержательных отчетов».

В долине Камчатки, пишет Атласов, «людей встречается гораздо много и посады великие по двести и триста юрт в одном месте». Сбор ясака, предпринятый им среди камчадалов-ительменов не дал слишком больших результатов, так как «зверья они не припасали в запас». К тому же они вели войну со своими одноплеменниками из низовьев Камчатки, а за войной им было не до охоты. Но в русских они были рады видеть своих союзников и пригласили Атласова с отрядом помочь им в походе на нижнекамчатских ительменов. Атласов дал согласие и, посадив всех в лодки, отправился вниз по Камчатке. Здесь он со своими новыми союзниками разгромил отказавших в уплате ясака жителей, после чего вернулся на старое место.

В «скасках» Атласов пишет, что «камчадалы ростом невелики, с небольшими бородами, а лицом на зырян схожи». Одновременно он отмечает, что Камчатка богата соболями, лисицами, бобрами и «каланами камчатскими морскими».

Во время плавания по реке Камчатке Атласов насчитал «свыше 160 осторожков, а в каждом по 150—200 душ».

Далее Атласов двинулся с реки Камчатки на западный берег полуострова и основал на реке Иче острожек¹. Отсюда он послал казака Потапа Серюкова с 12 казаками и 30 юкагирами обратно на реку Камчатку «для ясажного сбора и удержания в повиновении населения». Серюков поднялся по Иче, перевалил на Камчатку и там основал зимовье — будущий Верхне-Камчатск.

На Иче же Атласов встретился с пленником камчадалов — Денбеём, родом из Узакинского государства, как он называет Японию. Атласов отбил японца и взял его с собой. В 1701 году японца привезли в Москву и представили царю Петру, который решил с его помощью начать обучение русских японскому языку. Денбей был первым японцем, попавшим в Россию. От него в Москве были получены довольно подробные сведения о государственном устройстве Японии, занятии, быте ее населения и другие.

Живя на Иче, Атласов имел возможность наблюдать за камчадалами. Он отмечает отсутствие у них иной одежды, кроме меховой, подробно описывает устройство юрт, в которых живут ительмены. В зависимости от времени года они бывают летние и зимние; летние юрты строятся на высоких столбах, которые вертикально вкапываются в землю по три в ряд, а всего девять. Высота их весьма значительна — около 1,6—3 м. Столбы соединяются рамой, на которую прибивают доски, покрываемые сверху содранной с деревьев и выравненной корой. На этом помосте сооружается шалаш из кольев, перекрываемых ветками деревьев, которые потом по нескольку раз в лето заменяются свежими. Для того, чтобы попасть в такое жилище, ительмены подставляют лестницу, которую

¹ Острогами называли укрепленный населенный пункт, обнесенный рвом, валом, частоколом или бревенчатой стеной с башнями.

в случае надобности могут подтянуть кверху. Зимой же они служили складским помещением, где лежал запасенный с лета корм. Интересно, что и в настоящее время камчатские ительмены летом, во время охоты и рыбной ловли, живут в таких же постройках.

Зимние юрты, наоборот, выкапываются в земле, на сухом месте, в форме ям до 1,5 м глубиной, а в длину и ширину — в зависимости от числа жителей. В центре ямы ставят глубоко закопанные в землю четыре столба, а на столбы накладывают толстые перекладыны, *перекрываемые сверху досками, на которые наваливают землю для того, чтобы зимою было теплее; в центре вырубает дыру, которая служит одновременно и окном, и дверью, и выходным отверстием для дыма.

Двигаясь от Ичи дальше на юг, Атласов вскоре встретил зимовья «курильских мужиков». Это были первые поселения до того совершенно неизвестного русским народа — курилов или айнов. «Курилы обличьем, — писал Атласов в своих донесениях Сибирскому приказу, — на камчадалов схожи, только видом их чернее, да и бороды не меньше». Здесь на юге было уже гораздо теплее и больше всякого пушного зверя. Однако надежды на легкую добычу не оправдались. Курилы отказались дать пришельцам ясак и оказали при этом вооруженное сопротивление. Но казаки, овладев с бою одним острожком, убедились, что взять с курилов было нечего, кроме вяленой и сушеной рыбы.

Крайний пункт, до которого доходил Атласов, было какое-то место, расположенное в трех днях пути до Каланской или Бобровой реки. Сейчас решить вопрос, какую реку разумел под этим именем Атласов, невозможно, так как реки с таким именем на юге нет, да и не была известна она и Крашенинникову. По предположению Крашенинникова Атласов Каланской рекой называл реку Озерную; в реку эту заходили из моря морские бобры — каланы. Здесь курилы промышляли этого сейчас ставшего редким зверя. Каланы, или, правильнее сказать, выдры, часто «выходят на берег по большой воде», но когда прилив кончается и уровень воды спадает, они остаются на суше. Тогда наступает время охоты. Их, совершенно беспомощных на суше, били просто палками. На своих 'ко-

ротких ногах каланы не могли бежать, и только немногим из них удавалось добежать до океана и спасти свою жизнь.

От Озерной три дня пути до реки Голыгиной, где Атласов впервые встретил курилов и откуда увидел, что «против нее на море как бы остров есть». Действительно, с устья Голыгиной Атласов мог видеть первый из островов Курильского архипелага — Алаид — с самым высоким из имеющихся на Курильских островах вулканом (2 330 м). Отсюда он уже осенью повернул обратно на север и вернулся на Ичу. На Иче у него пали от бескормицы олени.

Так как пищи и для людей было припасено немного, то Атласов, боясь голода, отправил Потапа Серюкова с 14 служивыми и 13 юкагирами к старым знакомцам-камчадалам на реку Камчатку. Эти 28 человек так и остались на Камчатке.

Когда наступили теплые дни, оставшиеся на Иче с Атласовым служивые стали настаивать на возвращении домой, вследствие чего «по челобитию» своих людей он решил итти обратно в Анадырь. Атласов вернулся в Анадырь 2 (12) июля 1699 года и привез для казны большой ясак. В «скасках» он не указывает количество мехов, привезенных лично для себя. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что себя он не обидел. Атласов расплатился и со своими заимодавцами, вернув им полностью взятые ранее деньги.

В феврале 1700 года анадырский приказчик Кобылев в очередной «отписке» писал якутскому воеводе, что «2 июля 1699 года пришел в Анадырское зимовье из новоприисканной камчадальской землицы, с новые реки Камчатки, пятидесятник Володимер Отласов с государевой ясашной казною — соболей 330, лисиц красных 191, лисиц сиводущатых 10, да бобров морских камчадальских, каланами называемых, 10, и тех бобров, — добавляет он, — никогда в вывозе к Москве не бывало»¹.

¹ Это указывает, как показали затем и наблюдения С. П. Крашенинникова, что морские бобры и в то время представляли немалую редкость. Сейчас морские бобры сохранились в некоторых местах на Алеутских, Командорских островах и в очень небольшом количестве на южной оконечности Камчатки.

С Атласовым вернулось 15 казаков и 4 юкагира, то есть только одна шестая того количества людей, которые за два года перед тем вышли из Анадырского острога на юг.

Вскоре Атласов уехал в Москву с собранной им государевой ясашной казной, где в благодарность за «прииск новых земель» он был «верстан (назначен) казачьим головою в Якутску и верстание учинено ему за его поход в Камчатку».

В Сибирском приказе Атласов сообщил массу ценных сведений об открытой им Камчатке. Он совершенно правильно подметил относительную мягкость камчатских зим по сравнению с якутскими и вообще сибирскими, меньшую продолжительность дня в летнее время на Камчатке по сравнению с Якутском и особенно с Анадырем. Сильно поразили его на Камчатке вулканы. Описывает он их подробно в таких словах: если «итти вверх по Камчатке-реке неделю, есть гора, подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близ ее ж, подобна сельскому стогу и высока гораздо, из нее идет дым, а ночью зарево и искры». Атласов, повидимому, говорит о действующем и до сих пор и действительно находящемся в неделе пути от устья реки Камчатки вулкане Толбачик и соседнем с ним потухшем вулкане.

Атласов отметил кроме того большое количество встреченных им минеральных и в том числе сернистых («тухлыми яйцами воняет») источников. Он указывает, что море у берегов Камчатки не замерзает, хотя лед на протяжении всей зимы носит по океану. Огромное количество разнообразной и крупной ягоды произвело на него большое впечатление; таких ягод он нигде до тех пор не видел — «брусника, черемуха и жимолость, хотя менее велики, чем изюм, но зато слаже изюма». Особо Атласов останавливается на поразивших его внимание ягодах, что «растут на траве от земли в четверть, а величиною та ягода немного меньше курячья яйца, видом созревая зелена, а вкусом, что малина, а семена в ней маленькие, что в малине». Л. С. Берг в своей уже упоминавшейся нами выше книге указывает, что это, повидимому, то растение, которое Крашенинни-

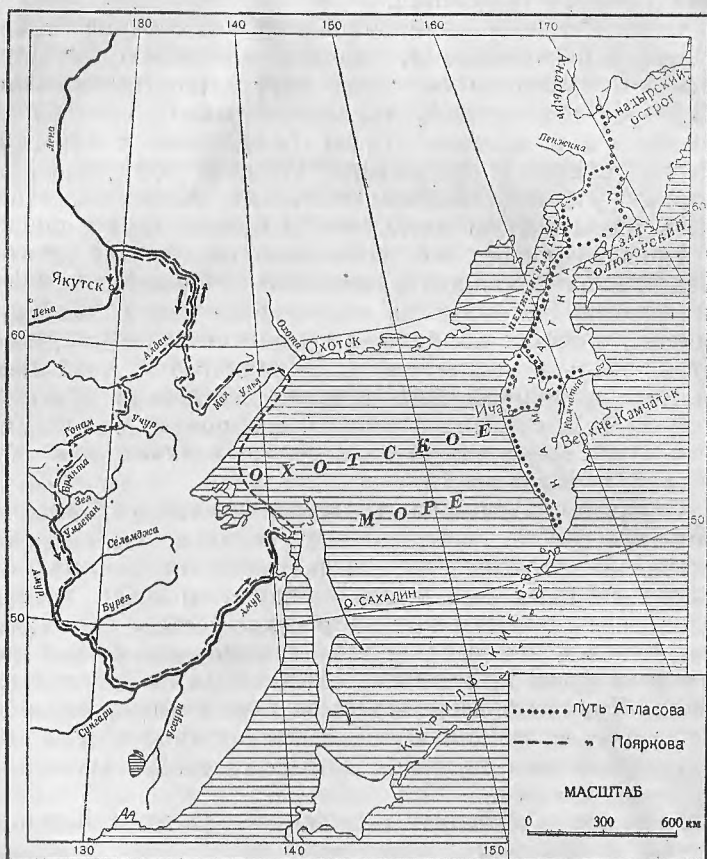
ковым и Стеллером называлось «котконня» и которое академик В. Л. Комаров отождествлял с растением из семейства лилейных, ныне на Камчатке называемым кукушкиными тамарками.

Особо Атласов останавливается на сладкой траве, называемой «агататка», которая «вышиною растет с колена и иноземцы тое траву рвут и кожуру счищают, а средину переплетают таловыми лыками и сушат на солнце и как высохнет будет бела, а тое траву едят, вкусом сладка... что сахар». Позднее эту траву, из которой русские, обосновавшись на Камчатке, стали гнать вино, а сами ительмены добывали сахар, описал и Крашенинников; это общеизвестное на Камчатке растение из семейства зонтичных — *Heracleum dulce*. Он отметил изобилие на полуострове зверя, особенно соболей, которых камчадалы ценили не за мех, предпочитая собольим мехам мех домашних собак, а за мясо. Поэтому ительмены безо всякого сожаления отдавали русским ясак соболями, не понимая, почему те придают меху этого зверя такую ценность, выменивая нож за 8 соболей, а топор за 18.

Поразило Атласова и исключительное богатство Камчатки рыбой, особенно той, которую он называет «овечиной», разумея под нею, очевидно, нынешнюю чавычу. «И иных рыб много, — пишет он далее, — семь родов разных, непохожих на русские рыбы». Он указывает, что вся эта рыба не речная, а морская и идет она в реки из моря и, погибая здесь, обратно не возвращается. Таким образом, эта рыба дает возможность кормиться большому количеству зверя — соболям, лисицам, выдрам, которых потому так и много на Камчатке, что им корму хватает.

Рассказы Атласова вызвали у Петра I большой интерес к Камчатке, вследствие чего царь приказал даже установить сообщение с нею морем. Такое плавание и было впервые совершено из Охотска в июле 1716 года. С того времени началась регулярная связь с Камчаткой. Путь через Анадырь, крайне долгий и неудобный, был заброшен и не мудрено: на одну дорогу из Якутска в Анадырь уходило до полугода, да из Анадыря на Камчатку — около двух месяцев.

Жизнь самого Атласова закончилась трагически. Вернувшись обратно на Камчатку, он одно время был даже приказчиком. Возмущенные его самоуправством

Маршруты Атласова и Пояркова

казаки самовольно сместили его и в конце концов, польстившись на «его животы», то-есть имущество, проникли ночью к нему в дом в Нижне-Камчатском остроге и зарезали его спящим, а имущество разделили между

собою. После того убийцы в течение нескольких лет были понемногу все переловлены и судимы, одни были казнены, другие подверглись меньшим наказаниям.

Через 40 лет после Атласова на Камчатку прибыл участник экспедиции Беринга «студент» Российской Академии наук Степан Петрович Крашенинников, работам которого на Камчатке мы посвящаем в этой книге следующий рассказ.

С. П. Крашенинников

1-588

ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАМЧАТКИ

25 февраля 1755 года лекарь Иберкампф и адъюнкты Карл Модерах сообщили «репортом» в канцелярию Академии наук, что в этот день «по утру в седьмом часу ведомства Академии наук господин профессор Степан Крашенинников волею божиею помре».

В том же году вышел в свет основной труд Крашенинникова — «Описание земли Камчатки». Академик Г. Ф. Миллер в предисловии к этой книге дал лестную оценку Крашенинникову и как человеку, и как исследователю. Крашенинников, — писал Миллер, — «был из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеяниями не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков и сами достойны называться начальниками своего благополучия».

О первых годах жизни будущего академика мы знаем очень мало, да и то, что известно, является не вполне достоверным. По некоторым данным, Степан Петрович Крашенинников родился в семье солдата петровской армии 18 (29) октября 1713 года, по расчетам же, произведенным в 1939 году биографом Крашенинникова А. И. Андреевым, — 31 октября (11 ноября) 1711 года. С детства он отличался большими способностями, любознательностью и стремлением к знанию. Как прошли первые годы учения Крашенинникова, нам в подробностях неизвестно.

Поступив в 1724 году в Московскую славяно-греко-латинскую академию, Крашенинников пробыл в ней до 1732 года, когда в академию из Правительствующего сената поступило требование прислать в незадолгое время перед тем учрежденную Академию наук 12 лучших уче-

ников. Повидимому, Крашенинников уже за годы своего учения в Московской академии показал себя с самой лучшей стороны и среди посланных с ним в Петербург товарищей выделялся способностями и знаниями. Косвенным доказательством этому служит то обстоятельство, что в сенатском реестре, присланном в Академию наук со студентами, один лишь Крашенинников удостоился быть названным по имени и фамилии. А это могло произойти только при одном условии — наличии больших способностей, подтвержденных академиком Байером, который по поручению Академии в начале января 1733 года экзаменовал Крашенинникова и дал положительный отзыв о возможности допустить последнего к работе в Академии наук. Отзыв Байера решил дальнейшую судьбу Крашенинникова, который в своей автобиографии, написанной уже по возвращении из Сибири, отмечает, что, приехав из Москвы в Петербург, он «по август 1733 г.» обучался при Академии наук, а в августе был «отправлен студентом при академической свите в Камчатскую экспедицию».

Первая камчатская экспедиция Беринга не разрешила в полной мере поставленный Петром I вопрос — соединяется ли Азия с Америкой. Фантастические описания берегов Камчатки, Курильских островов, Японии и лежавших где-то в Тихом океане, неподалеку от берегов Азии, легендарных земель, вроде земли Гамы, также не были опровергнуты. Защитником старых взглядов в Академии наук был известный астроном и географ академик Иосиф Делиль, составивший даже карту «земель и морей, расположенных к северу от Южного моря» (то-есть в северной части Тихого океана). Эта неправильно составленная карта Иосифа Делиля была причиной многих неудач экспедиции Беринга. Для опровержения этих взглядов Беринг представил проект новой экспедиции. Он предлагал подробно исследовать берега Камчатки, Курильского архипелага и Японии, а также «открыть предполагаемые против Камчатки американские земли».

Руководство Второй камчатской экспедицией, или, как ее иначе называют, Великой северной, правительство поручило капитану-командору Берингу. Научному составу экспедиции было предложено «чинить разные под-

лежащие до наук обсервации», то-есть наблюдения, которые должны были пролить свет не только в отношении далеких берегов Америки и Японии, но и дать ряд конкретных данных по истории, географии да натуральной истории» почти неисследованной Сибири.

Для работы в Сибири были назначены академики: астроном Людовик Делиль де-ла Кройер, естествоиспытатель Иоганн-Георг Гмелин и историк Герард-Фридрих Миллер. К ним были прикомандированы: маляр (художник) Беркан, шрайбмейстер Люрсениус и пять русских студентов, в том числе и студент Степан Крашенинников, как он назван в сенатском указе о составе экспедиции.

Середина августа 1733 года, когда Крашенинников вместе с экспедицией выехал из столицы, напоминала позднюю осень. Порывистый холодный ветер гнал с запада тяжелые тучи, шел дождь. Вереница тяжело груженных подвод и две кареты, увязая в грязи, медленно продвигались по новой московской дороге к окраинам Санкт-Петербурга. В каретах следовали академики. Немногочисленные служители и члены из семей провожали до Средней Рогатки (в окрестностях С.-Петербурга) уезжавших «в дальнюю страну, рекомую Камчатка».

По пути в Иркутск, куда путешественники прибыли 8 марта 1735 года, Крашенинников, наравне с другими студентами и «пищиками» (копиистами), занимался копировкой документов в архивах воеводских канцелярий и приказных изб. Гмелин и Миллер скоро оценили работоспособность, скромность и любовь к науке молодого человека. В отличие от прочих студентов ему давали ответственные поручения. Крашенинников едет в Баргузин, а оттуда через Байкал на остров Ольхон и Верхоленский острог собирать семена и травы местной степной растительности; одновременно в Баргузине он ведет наблюдения за имеющимися вокруг него горячими минеральными источниками, описывает жизнь и быт и приводит многочисленные данные о «братских» и «протчих ясашных мужиках» Баргузинского и Иркутского ведомств; помогает Гмелину разбирать и составлять списки местных животных и растений, а также наблюдает движение льдов на Ангаре.

Разнообразие поручений, даваемых Крашенинникову Гмелином и Миллером, показывает, что оба академика относились с полным доверием к нему и к точности производимых им наблюдений. Это доверие было вполне заслуженным, ибо никто из студентов, работавших в экспедиции, не обладал такими блестящими способностями, не владел столь блестяще латинским языком, совершенно необходимым для научного работника того времени, как Крашенинников, написавший по-латински ряд дошедших до нас отчетов — «репортов». Гениальный его современник Ломоносов говорил, что Крашенинников «сразу выделился своими способностями и рвением к науке».

Крашенинников увлекался всем, что видел и делал в Сибири, где, по словам его учителя Миллера, им «являлось почти все новое. Там увидели мы с радостью множество трав, от большой части неизвестных, увидели стада зверей азиатических, самых редких; видели великое число древних могил, в коих находили разные достопамятные вещи, словом — приехали в такие страны, в каких никто до нас не был, который бы мог свету сообщить известия». Горделивое чувство, что он является пионером в научном изучении и познании неизведанных пространств своей обширной страны, заставляло Крашенинникова забывать тяжелые лишения и ещё глубже уходить в работу.

Вскоре Миллер и Гмелин послали Крашенинникова на Камчатку с поручением произвести возложенные на них исследования. Миллер и Гмелин считали, что им «нельзя было препроводить на Камчатке несколько лет, когда, кроме описания оных, находилось... множество дел других в Сибири, которых упустить не хотелось». Они «рассудили за благо послать наперед себя надежного человека для учинения некоторых приуготовлений, дабы там по приезде своем меньше времени медлить. И в сию посылку выбрали Крашенинникова, тем наипаче, что можно было ему поручить отправление всяких наблюдений, и к сему делу снабдили его инструкцією, предписав ему довольное наставление во всем в том, что на Камчатке примечать и исправлять надлежало».

На самом же деле академики просто испугались трудностей предстоящего путешествия и втайне решили не ехать на Камчатку совсем. Не желая заявить об этом

прямо, Гмелин и Миллер старались создать видимость того, что они все же не покидают мысли о поездке на Камчатку. Поэтому, снабжая уезжавшего на Камчатку Крашенинникова подробно разработанными научными инструкциями, они вместе с тем поручают ему озаботиться «строением хором» для размещения академической свиты. Одновременно же они вступают, но по секрету от Крашенинникова, в длительную переписку с сенатом, испрашивая его разрешения не ехать на Камчатку. После долгих многолетних хлопот такое разрешение наконец было получено — Миллером в 1739 г., а Гмелином только во второй половине 1742 г. Поэтому из первоначального научного состава экспедиции на Камчатку попали только де-ла Кройер и Крашенинников. Де-ла Кройер в 1741 году умер в Петропавловске от цынги. Поэтому, пишет Миллер, «едва ли не все на Камчатке испытания достались к отправлению одному только Крашенинникову, которые он и мог исправить без знатного недостатка, ибо упражнением привел он себя в большое искусство».

В инструкции, данной Крашенинникову, излагалось, как и какие вести наблюдения в натуральной истории и делать «допросы при описании народов и их обычаев». Кроме того, «по силе указов Правительствующего сената» к нему переходило и данное академикам право пересматривать и списывать приказные дела в камчатских острогах «для того, чтобы лутшую историю сих мест написать было возможно».

5 июля 1737 года Крашенинников отправился из Якутска на судне вверх по Лене.

6 июля он прибыл на «Ярманку» — урочище на правом берегу Лены, верстах в 10 от Якутска: отсюда начинался тракт на Охотск. Лошадей, которые должны были ждать путешественника, не оказалось. Только 9 июля, после двухдневных «великих поисков», Крашенинников тронулся дальше на восток. Перед отъездом с Ярманки он пишет свой первый «репорт благородным господам профессорам» с изложением всех обстоятельств начала путешествия, обещая и «впредь, что случится, о том о всем как случай допустит вашему благородию (Миллеру) всенижайшие репортовать». Крашенинников исполнил

данное обещание и регулярно сообщал Миллеру о своей работе. За время путешествия он отправил пятнадцать рапортов, полностью сохранившихся в архиве Академии наук.

Кроме рапортов, как официальных отчетов о своей работе, Крашенинниковым было написано 11 писем. Совокупность этой документации позволяет полностью воссоздать картину работы и бытовых условий жизни Крашенинникова на Камчатке.

930 километров, отделяющих Якутск от Охотска, Крашенинников без особых затруднений прошел в сорок пять дней. 19 августа он благополучно прибыл в «Охотский острог», сообщив в очередном письме Миллеру, что все казенные инструменты привезены в целости.

В Охотске Крашенинников организовал наблюдения за действием приливов и отливов, а сам занялся метеорологическими наблюдениями. Вскоре он обучил обращению с инструментами некоего Попова, ставшего наблюдателем на первой метеорологической станции, основанной на западном побережье Тихого океана.

В охотском порту почти круглые сутки под наблюдением Шпанберга работали корабельные плотники. Еще до приезда сюда Беринга были закончены и выстроены два новых одномачтовых корабля — бригантина «Архангел Михаил» и бот «Надежда», а также исправлены два старых — шитик «Фортуна» и бот «Святой Гавриил». На «Фортуне» 4 октября 1737 года Крашенинников отправился на Камчатку.

Перед отплытием из Охотска Крашенинников составил и отправил в Якутск новый рапорт, в котором дал первое географическое описание тракта из Якутска в Охотск, снабдив его многочисленными и разнообразными списками зверей, птиц, рыб и более подробными описаниями некоторых поразивших его внимание представителей животного мира.

Плавание на Камчатку прошло не вполне благополучно. Крашенинников в рапорте, посланном Миллеру по прибытии на Камчатку из Большерецкого острога, подробно описывает это путешествие. Судно вышло из Охотска во втором часу дня. Море сначала было спокойно, но с 11 часов ночи при полном штиле началась сильнейшая

мертвая зыбь. Волны заливали палубу крошечного суденышка и проникли даже в трюм. Все кинулись к насосам. «Но хоть в два их и в несколько больших колод много воды выливали, однакож тем вылить не могли. Чего ради все, что было на палубах, также и из судна груз около 400 пудов (6 500 кг) в море сметали. Итак едва спаслись... От помянутого сбрасывания я в крайнее разорение пришел — в море попали сума, в которой была серая бумага, 5 дестей писчей, разбит термометр № 16, сброшено в море одиннадцать сум провианту, а также мой чемодан с бельем, и больше у меня не осталось, как только одна рубашка, которая в ту пору на мне была». Таким образом, добрая половина груза Крашенинникова была сброшена в море.

На рассвете 14 октября показались берега Камчатки. К устью Большой речки «Фортуна», на которой находился Крашенинников, подошла в девятом часу утра. Был отлив, и «за убылью воды и за боковым ветром войти в оное не могла». Корабль стал на якорь против устья реки. Но удержать суденышко на якоре не удалось; сильный северный ветер и огромные валы, бившие в его корму, выбросили судно на «отмелую кошку» в полудне пути от устья. На следующий день в Большерецкий острог были посланы люди из команды с просьбой прислать баты (морские лодки) для разгрузки «Фортуны». Однако, когда баты пришли, корабль был уже разбит, а значительная часть оставшегося на нем груза подмокла и погибла. Лишь немного удалось спасти. Только вечером 22 октября, поднявшись на пяти батах вверх по течению Большой речки, Крашенинников прибыл в Большерецкий острог.

Послав Крашенинникова на Камчатку, академики вменили ему в обязанность, кроме непосредственной научной работы, позаботиться о строительстве для них хором, а также батов, необходимых для путешествия по рекам Камчатки.

Поэтому Крашенинников с первых же дней предъявил Большерецкой приказной избе требование о постройке хором. От полковника Мерлина, ведавшего приказом, он получил категорический отказ — «этого в здешнем остроге сделать невозможно потому, что лесу в близости

не имеется, а добывать оный по впадающей в Большую речку реке Быстрой можно лишь с великою трудностью, понеже на оной реке многие пороги имеются». Несмотря на неоднократные напоминания Крашенинникова, эти хоромы были выстроены только к концу его пребывания на Камчатке.

С наступлением ранней камчатской зимы Крашенинников начал готовиться к первому путешествию вглубь полуострова. В очередном рапорте Миллеру он пишет: «Как дорога станет, намерен я ехать к имеющимся на Большой речке теплым водам, а от оных вод прямая дорога к другим теплым источникам, впадающим в Копейчик-речку, а от этих вод поеду к горелой сопке¹, которая имеется между Авачей и Налачевой рекой, расстоянием от других теплых вод в двух днях езды, а от ней к другой горелой сопке, имеющейся на реке Жупановой».

Однако обстоятельства сложились так, что Крашенинников, выехав 17 января 1738 года в свое первое путешествие по Камчатке, на сопки не попал и ограничился лишь наблюдением над горячими минеральными источниками. Помещали этому глубокие снега и частый кедровник, через который невозможно было пробиться даже к подножию Авачинской сопки; пришлось вернуться обратно.

19 марта 1738 года Крашенинников отправился во второе путешествие по Камчатке. На этот раз он посетил южную оконечность полуострова; главной целью путешествия было ознакомление с горячими источниками в долине реки Озерной, а также исполнение инструкций Миллера и Гмелина в части вопросов, связанных со сбором сведений о Курильских островах. Сам Крашенинников, однако, на Курильские острова не поехал, а отправил вместо себя служивого Степана Плишкина, «приставленного» для помощи ему Большерецкой приказной избой, и переводчика (толмача) Лепехина. Плишкин показал себя с лучшей стороны. Он с успехом выполнил это, как и другие поручения Крашенинникова, который в его лице получил помощника, достойного доверия.

¹ Так тогда русские называли действующие вулканы.

Плишкин привез с Курильских островов (он посетил ближайшие к Камчатке острова Сюмусю и Парамусир) богатую коллекцию вымененных и купленных им у местного населения японских вещей, которые, вместе с уже имевшимися к тому времени у Крашенинникова, составили первую попавшую в Россию коллекцию предметов японской материальной культуры. Кроме того, Плишкин привез с собою двух курилов, из бесед с которыми Крашенинников почерпнул первые сведения о быте, верованиях и обычаях населения Курильских островов, количестве и расположении островов, об их растительном и животном мире.

В результате своего путешествия по южной окраине Камчатки, Крашенинников составил планы расположения имеющихся здесь горячих источников, отметив при этом, что «ключи бьют здесь во многих местах как фонтаны, по большей части с великим шумом, в высоту на 1—1,5 фута (30—45 см). Некоторые стоят как озера в великих ямах, а из них текут маленькие ручейки». Температура воды, которую он много раз измерял в источниках, оказалась близкой к температуре кипения (185° по Фаренгейту)¹, а нередко и выше. Об источниках в долине реки Озерной, вытекающей из Курильского озера, Крашенинников пишет: «Вода в них столь горяча, что в ней можно варить мясо... По берегам ее растут зеленые травы, в том числе некоторые и в цвете были». Все это Крашенинников наблюдал в марте, когда вокруг лежали еще глубокие снега.

Вулканы и горячие источники, близ которых всегда «протухлыми яйцами пахнет, камчадалы почитают за божье жилище и близко к ним подходить опасаются».

Они неохотно рассказывали Крашенинникову о местонахождении источников и категорически отказывались сопровождать его на сопки. Поэтому, когда камчадалы позже увидели, что он и его спутники «зимой в ключах лежали, воду пили и мясо вареное в них ели, то думали, что мы тотчас погибнем». После того как все остались живы и невредимы, камчадалы «с превеликим ужасом рассказывали о нашем дерзновении, а притом не могли

¹ 85° Цельсия.

довольно надивиться, что мы за люди, что и враги нам вредить не могут». О горячих ключах Камчатки Крашенинников писал, что именно благодаря их изобилию вода зимой в реке Камчатке, даже в самую суровую пору, покрывается столь тонким льдом, что ходить по нему можно «лишь по великой нужде и со страхом».

Большое внимание уделял Крашенинников «трясениям земли», которые, по его мнению, «наибольше случаются около равноденствия, а особливо весною. И сие камчадалским и курильским жителям довольно известно, которые первых чисел марта и последних сентября весьма опасаются».

Незадолго до прибытия Крашенинникова на Камчатку, 25 сентября 1737 года, «около Авачи и на Курильской Лопатке, а также на островах было страшное землетрясение с чрезвычайным наводнением». Около трех часов ночи раздался сильный удар, от которого обвалились многие камчадалские юрты и балаганы¹. На море было слышно большое волнение и «ужасный шум». Трехсаженная волна с огромной силой обрушилась на берег, смывая все на своем пути. Второй толчок был еще сильнее, «воды же прибыло против прежнего, но при отлитии столь далеко она забежала, что море видеть невозможно было». В пятом часу ночи было несколько еще более страшных толчков. Морская волна забежала вглубь берега на 30 сажень (64 м), причинив огромные разрушения. Многие прибрежные участки, занятые полями и оленьими пастбищами, превратились в морские заливы. Жители совсем разорились «и бедственно скончали живот свой».

Одновременно произошло извержение Ключевской сопки, которое ярко и красочно описано Крашенинниковым:

«Сей ужасный пожар, — пишет он, — продолжался с неделю с такою свирепостью, что жители, которые близ горы на рыбном промысле были, ежечасно к смерти готовились, ожидая кончины. Вся гора казалась раскаленным камнем. Пламя, которое внутри ее сквозь расщелины было видно, устремлялось иногда вниз огненной рекой

¹ Шалаши, поставленные на столбах высотой в 1,6—3 м.

(здесь Крашенинников допускает ошибку, называя пламенем стекавшие по склонам потоки огненножидких лав). В горе слышен был гром, треск и будто сильными мехами раздувание, от которого все ближние места дрожали... Конец пожара был обыкновенный, то-есть извержение множества пеплу, которого однакоже немного на землю пало для того, что всю тучу унесло в море. Выметывало из нее и ноздреватые каменя и сотни разных веществ, в стекло превратившихся, которые великими кусками по текущему из-под нее ручью находятся».

Во время многочисленных путешествий по Камчатке Крашенинников не раз видел дымящиеся вулканы. В начале 1739 года ему удалось в долине реки Камчатки наблюдать извержение вулкана Толбачик. Курился он давно, но, по полученным Крашенинниковым сведениям, извергаться стал, примерно, лишь с 1700 года.

Сначала «выкинуло как бы шарик огненный, котрым, однако, весь лес выжгло». После того начала изливаться жидкая огненно-красная лава. Одновременно над вершиной вулкана показалось белое облачко. Подгоняемое ветром, оно все увеличивалось и, когда спустилось на землю, то площадь верст на 50 в окружности покрыло вулканическим пеплом. Пепел лежал полудюймовым слоем. Передвигаться на санях было невозможно, и Крашенинников вынужден был дожидаться нового снега.

Прошло несколько дней, прежде чем путешественник смог двинуться дальше.

Когда отряд подъезжал к Ключевской сопке, Крашенинникову со спутниками пришлось заночевать в лесу. Ночью они услышали сильный шум. В первый момент решили, что в горах начинается буря, но когда люди, сидевшие на санках, зашатались, то «узнали подлинную тому причину».

Крашенинников описал только три «огнедышащих горы» — Авачинскую, Толбачик и Камчатскую. Многие вулканы ему остались вовсе неизвестны, особенно те, которые расположены в центральной части полуострова и «далее Камчатки-реки к северу». О некоторых из них он говорит, что они курятся, «а извергались ли на памяти отцов и дедов, того не ведает никто». К числу последней

группы вулканов относятся и доныне курящиеся Шивелуч и сопка Жупанова.

Вернувшись из второго путешествия 2 февраля 1738 года в Большерецкий острог, Крашенинников получил для академической кунсткамеры «книжку на четверть листа, неизвестным языком писанную, которая владельцем ее была взята на прибитой волнами к берегу Камчатки японской бусе¹ да еще карпорал здешнего острога Федор Паранчин принес мне сделанный наподобие карманным часам медный компас, по корпусу которого написано теми же литерами неизвестные слова».

Крашенинников усердно собирал на Камчатке редкостные вещи, всяких животных и растения, семена и «всякое другое, что видеть удастся». Попутно ему приходилось заниматься и метеорологическими наблюдениями, и установкой поста для наблюдения за деятельностью приливов и отливов, и переписывать бумаги в архивах, и другими делами. Особенно много времени уходило на переписку. Эта работа его тяготила, однако она не пропала даром. Материалы он использовал впоследствии в заключительной части книги, в которой он описал историю завоевания Камчатки.

Чтобы пополнить коллекции экземплярами рыб и животных, Крашенинников просит Большерецкую приказную избу распорядиться «ясажным иноземцам имеющихся в здешних реках рыб всякого рода по две изловить и ко мне, Крашенинникову, принести, и ежели случится киту на берегу выброшенному быть, чтобы о том мне объявили и прежде осмотра его б не разнимали, а особенно б приказали промыслить находящегося в здешней местности каменного барана, а из морских зверей — бобра и кота по мужичку да по женочке».

С той же просьбой Крашенинников обращается и к отправленным 10 марта 1738 года на Курильские острова сборщику Андрею Фурману, толмачу Михайле Лепихину и Степану Плишкину. Он наказывает им по дороге записывать названия островов, речек, озер и проливов, расстояния между ними и места, откуда они берут начало, «да чтоб добыли сивуча, кота и бобра, рыб и ра-

¹ Буса — дубовая долбленая лодка.

ков собирали», и, наконец, если смогут, купили бы для кунсткамеры академической «японские письма и платья мужские и женские».

С 19 марта по 1 апреля этого же года Крашенинников путешествовал по югу Камчатки, направляясь к истокам реки Озерной, где находились горячие ключи. По возвращении, узнав, что прибыли с Курильских островов мужики, он потребовал от приказной избы, чтобы их прислали к нему «для списывания слов, коими вещи на их языке называются».

Но просьба Крашенинникова не была удовлетворена. Боясь, что жители Камчатки расскажут ему больше чем нужно о своей тяжелой жизни, камчатская администрация всегда находила какой-нибудь повод отказать Крашенинникову в его требованиях встретиться с жителями полуострова. Однако и без официальной помощи Крашенинников нарисовал верную картину «несносных обид», которые наносили населению представители камчатской администрации, заботившиеся в первую очередь о личной наживе.

В июле 1738 года Крашенинников с помощью служивых закопал на берегу «Пенжинского моря размеренный в верхней части на парижские дюймы и футы столб, взамен старого, что волною смыло». По установленным около столба солнечным часам Крашенинников определял начало и конец, а также силу прилива и отлива.

Используя данные метеорологических наблюдений, он пришел к выводу, что на Камчатке больше всего ясных дней бывает в середине лета. «В остальное же время дождей много, а туманов и того больше, и на море ничего не видно. Потому только летом живет много людей около моря, которые рыбу и зверя морского промышляют, а в другое время никто там не бывает».

Все собранные коллекции и вещи, приобретенные для кунсткамеры, Крашенинников вместе с составленным им «сочинением, в коем описана сладкая трава и способ производства из оной водки, а также доказательства, как и от кого оный способ найден, отправил на боте «Святой Гавриил», вышедшем из устья Большой речки 4 сентября 1738 года». Однако и письма Крашенинникова и ящики с коллекциями неожиданно вернулись обратно, — силь-

ным встречным ветром бот был выброшен на берег севернее Большерецкого острога.

19 ноября Крашенинников отправился в новую поездку по Камчатке. По дороге из Большерецка в Верхне-Камчатский острог он подолгу останавливался в многочисленных стойбищах ительменов (камчадал), наблюдая за их бытом.

Много любопытного отмечает Крашенинников. Он пишет, что родительская любовь к детям настолько велика, что с очень ранних пор те пользуются большой независимостью и самостоятельностью во всех своих действиях и поступках.

С удивлением он замечает, что сыновья, когда хотят жениться, не только не советуются с родителями, но даже не говорят им об этом. Над дочерьми власть родителей, с юмором пишет Крашенинников, заключается лишь в том, что жениху они говорят: «хватай, буде можешь и на себя надеешься». Похищение невесты происходит невзначай, но обязательно в такое время, когда она предупреждена о возможном похищении и окружена большим количеством женщин, которые поднимают «ужасной крик и поступают с женихом немилосердно, бьют его, таскают за волосы, терзают лице и употребляют всякие средства, чтобы не дать ему схватить невесту». Если жениху удастся схватить невесту, — брак заключен. В противном случае он вынужден начинать все снова. Нередко жених предпринимает эту попытку по несколько раз и в конце концов может случиться, пишет Крашенинников, что «по седьмилетнем хватанье вместо невесты получает тяжелые увечья, будучи сброшен от баб с балаганов».

Главная пища камчадала — юкола, вяленая на солнце рыба из породы лососевых. Головы рыбные отрезают и квасят в специальных ямах, вырытых в земле. «Едят их вместо соленой рыбы, почитая за приятное кушанье, хотя вонь от них терпеть почти не можно». Другое любимое кушанье — рыба икра; «буде она у камчадала, то он долго жить может без другой пищи». Русские же, «ради безмерной клейкости и невозможно прожевать ее и свободно проглотить, избегают этого лакомства камчадалского». Но самое главное и наиболее любимое кушанье

называлось по-русски селлага-толкуша. Делалась она из различных кореньев и ягод, которые перемешивались вместе с икрой, нерпичьим и китовым жиром, а иногда и с вареной рыбой. Толкуши из кислых ягод, по мнению Крашенинникова, весьма приятны, потому что «кислы и сладки, и сытны, но нестерпима скверность в приуготовлении»: женщины толкут всю массу обнаженными руками, которые у них «повеку не мыты»; после же этого руки «как снег белы бывают в рассуждении тела».

Через полтора месяца после отъезда из Большерецка Крашенинников приехал в Верхне-Камчатский острог. Здесь он пересмотрел старинные дела, в которых, однако, нашел мало для себя интересного, так как это по большей части были книги ясачного сбора, куда записывалось количество сдаваемых мехов, их качество и разные челобитные. Не довольствуясь одними документами, Крашенинников записывал рассказы очевидцев — русских казаков Устюжанинова, Ивана Лосева и других «о завоевании Камчатки, о построении острогов и о бытности прикащиков, управлявших Камчаткой». В рассказах их он обнаружил много расхождений с официальными источниками.

2 января 1739 года Крашенинников из Верхне-Камчатска отправился на нартах в Нижне-Камчатск. По дороге он составлял описания гор, рек, источников и острожков. В Нижне-Камчатске Крашенинников задержался до 18 марта. Он составлял описание побережья Тихого океана, или, как его называли, Восточного моря, от устья реки Камчатки до Олюторского мыса, — севернее этого мыса на побережьях тогда еще никто не бывал.

Из Нижне-Камчатска Крашенинников отправился в самое трудное путешествие на юг вдоль восточного берега полуострова. По пути он отметил в устье реки Семячик, на южном берегу Семячикской губы, пихтовую рощу, сохранившуюся и до наших дней. Эта роща — интереснейший памятник недавнего геологического прошлого Камчатки. На полуострове нигде, кроме Семячика и долины реки Камчатки, не сохранилось хвойных лесов. Они исчезли после крупного оледенения, происшедшего на Камчатке в первой половине четвертичного периода.

13 апреля, после трудного пути, вконец усталый и измученный, Крашенинников приехал в Большерецк.

Здесь его ждали большие огорчения: Степан Плишкин, которому он так доверял, в отсутствие его пьянствовал, играл в карты, относился небрежно к исполнению своих обязанностей, метеорологические наблюдения теряли всякое значение, так как проводились нерегулярно. Плишкин был прогнан, а Крашенинникову дали нового помощника — Ивана Пройдошина. С ним Крашенинников ездил в устье Большой речки для наблюдения за приливами и отливами, а в июне работал на огороде: сеял ячмень, морковь, горох, огурцы, посадил ягоду — смородину, малину, сеял семена каких-то местных неизвестных ему растений, из которых некоторые принялись, а на малине появились даже ягоды. Ячмень, однако, до августа так и не заколосился.

Кончался четвертый год его пребывания на Камчатке. Лето 1740 года Крашенинников потратил на приведение в порядок своих записей и коллекций, готовясь одновременно к новому зимнему путешествию на северо-восток и северо-запад полуострова. За лето он совершил несколько небольших поездок в окрестности Большерецкого острога, опять занимался опытами по выращиванию овощей, сеял ячмень. Однако всем этим опытам помешало поздно начавшееся лето. Репа и редька удались, а ячмень снова так и не успел заколоситься. Надежда на возможность занять население земледелием рушилась.

В своих письмах к Гмелину и Миллеру Крашенинников неоднократно сообщал, что, лишенный регулярной выплаты жалованья и выдачи полагавшегося ему провианта, он поставлен в невыносимое положение, «отощал и оборвался до того, что и в люди стыдно показаться». Гмелин и Миллер вместе и порознь друг от друга в свою очередь писали об этом в Академию, а та в сенат, отмечая огромную работоспособность, трудолюбие Крашенинникова и недостаточность получаемого им вознаграждения. Еще 15 ноября 1739 года Гмелин и Миллер писали в Академию, что «Крашенинникову перед всеми его товарищами, от которых он... особливим трудолюбием... отличается, «великое было бы одобрение к дальнейшему усердию в трудах», если бы содержание его

было увеличено по сравнению с получаемым на 100 рублей в год. Но время шло, сенат молчал, не отвечая на представления Академии, и Крашенинникову приходилось удовлетворяться лишь моральной поддержкой и высокой оценкой его разносторонних исследований на Камчатке, в которых ему никогда не отказывали всегда высоко его ценившие Гмелин и Миллер.

20 сентября 1740 года на галиоте «Охотск» прибыл неизвестный Крашенинникову новый член экспедиции, адъютант Академии наук Георг Стеллер, даровитый натуралист, которому наука обязана первым научным описанием северо-западных берегов Америки. Стеллеру было поручено, вместо Гмелина и Миллера, участвовать в плавании Беринга к берегам Америки.

9 ноября Крашенинников послал Миллеру последний рапорт с Камчатки. Он сообщил, что «согласно ордеру господина адъютанта Штеллера еч поступил в его распоряжение, сдал все имевшиеся у него материалы обсерваций, дневники, казенные книги и находившихся в его распоряжении служивых».

Через 15 дней Крашенинников покинул Большерецк. Спустившись по уже знакомой долине реки Камчатки до Нижне-Камчатска, он добрался до берега Тихого океана и затем, свернув на север, направился вдоль его побережья и 26 января 1741 года дошел до устья реки Караги. По пути он делал географическое описание посещенных им мест.

Дальнейшее пребывание Крашенинникова на полуострове было признано нецелесообразным. 12 июня 1741 года на судне «Охотск» он покинул Камчатку, а 24 июня вечером уже прибыл в Якутск. В течение двух месяцев пребывания в Якутске в личной жизни Крашенинникова произошли крупные перемены. 21 августа он обвенчался с племянницей якутского воеводы майора Д. И. Павлуцкого — Степанидой Ивановной, а 23-го вместе с молодой женой выехал в Иркутск. С тех пор еще почти полтора года пришлось колесить Крашенинникову по всей Сибири. Он сопровождал из Иркутска в Якутск караван с продовольствием и другими грузами для оставшихся на Камчатке дела Кройера и Стеллера и участвовал в последних маршрутах академиков Гме-

лина и Миллера по Сибири. Только в феврале 1743 года, после десятилетнего отсутствия, Крашенинников вместе с Гмелином и Миллером вернулся в Петербург.

Тут студентам Крашенинникову и Третьякову (также участнику экспедиции) в конференции академиков был устроен экзамен. Гмелин предложил Крашенинникову описать некоторых рыб и растения; Крашенинников выполнил это задание на латинском языке. «Третьяков же предложенной от профессоров задаче ничего не учинил и в свое извинение предлагал, что он к тому не в состоянии, совестно объявив, что в науке ничего не знает».

Только тогда Крашенинникова, наконец, удостоили прибавки жалованья. Ему установили оклад 200 рублей в год, на которые, как пишет один из его современников, «при питербурхской дороговизне все едино, что и на сто сытно не проживешь».

Крашенинникову, великолепно себя зарекомендовавшему, присвоили звание студента натуральной истории. Однако уже через 2 года, 13 мая 1745 года, он подал через Академию наук в сенат прошение об утверждении его адъюнктом натуральной истории, и 26 июля получил утверждение сената; интересно отметить, что одним и тем же сенатским указом был утвержден в звании профессора (т.-е. академика) по кафедре химии и М. В. Ломоносов.

В мае 1747 года Крашенинникову отдали «под смотрение» ботанический сад и огород; в то же время ему поручили разобрать и привести в порядок записи, дневники и всевозможные бумаги, оставленные им во время пребывания на Камчатке адъюнкту Стеллеру, а также бумаги самого Стеллера. На основании полученных материалов он должен был составить описание Камчатки.

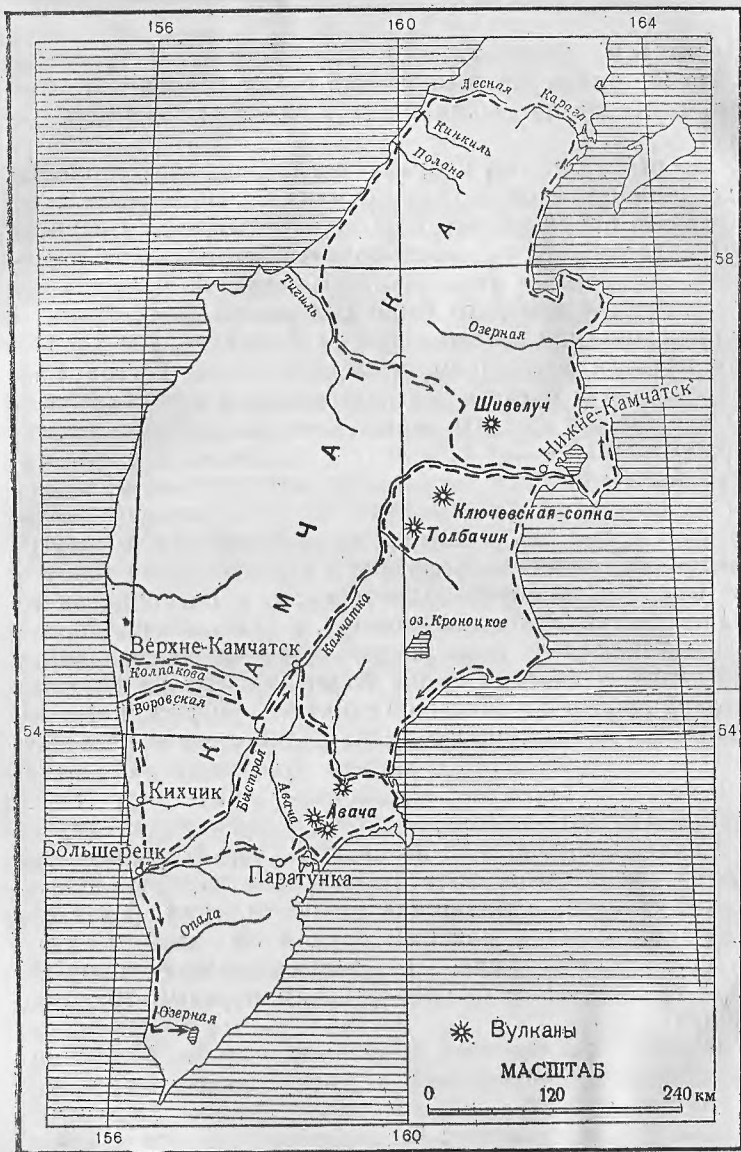
11 апреля 1750 года Крашенинникова утвердили «по кафедре истории натуральной и ботанике» в звании профессора Академии, как тогда называли действительных членов Академии, «а при том как членом академического, так и исторического собрания и в обоих оных собраниях заседать, о чем в профессорские собрания послать указы, а жалование определяется ему в год по шести сот по шестидесяти рублём». 18 июня того же года нового академика назначили вместо Миллера и Фишера

директором академических университета и гимназий. В это же время Крашенинников начал собирать и изучать растения для составления книги о Санкт-Петербургской флоре.

Но работа в этом направлении подвигалась медленно. Уже обремененный к тому времени большой семьей, которая все время увеличивалась, и расширением служебных обязанностей по заведыванию «ботаническим огородом», гимназией и университетом, больной Крашенинников, здоровье которого было подорвано длительным и полным лишений пребыванием на Камчатке, мог уделять для научной работы очень мало времени. Кроме того, недоставало и средств; на полагавшееся ему жалование он еле-еле мог сводить концы с концами. Однако и эти заработанные деньги добывались не просто. В делах архива Академии наук сохранились многочисленные просьбы Крашенинникова о выдаче ему заслуженного жалования, которое не только он, но и Ломоносов и другие академики обычно вымаливали у правительства как милостыню. Казна имела мало средств и расходовала их крайне скупно. Этим, повидимому, и объясняется то, что занятый последние годы жизни составлением создавшего ему славу «Описания земли Камчатки», он не закончил начатой работы по описанию Санкт-Петербургской флоры. Собранные их материалы были обработаны и подготовлены к печати почетным членом Академии лейб-медиком Давидом Гортером только через пять лет после смерти Крашенинникова.

Крашенинников один из первых русских ученых, которому мы обязаны подробным и достоверным описанием Камчатки, оставшимся на протяжении почти ста лет единственными научным трудом об этой далекой окраине русской земли. Его энциклопедическое описание Камчатки было первым русским научным трудом о Сибири.

Научные достоинства «Описания земли Камчатки» очень высоки. Наблюдения, легшие в основу труда, отличаются изумительной точностью. Можно подивиться умению Крашенинникова распределять свое время таким образом, чтобы успеть выполнить все те требования, которые были предъявлены инструкциями Гмелина и Мил-

Маршруты С. П. Крашенинникова по Камчатке 1735—1741 гг.

лера, гласившими, что ему «в обязанность иметь вменяется... производить обсервации всякого рода, какие до натуральной истории касаются», собирать сведения по истории завоевания Камчатки «со всеми обстоятельствами, досюду относящимися», наблюдать и описывать жизнь, быт, верования и обычаи, а также язык народов, населявших Камчатку. В литературе, посвященной Крашенинникову и его работам на Камчатке, неоднократно отмечалось, что им создан труд, непревзойденный по своей полноте и достоверности. Лишь он один дает представление о древнейшем периоде истории и этнографии Камчатки. Не существовуй его «Описания», многое оказалось бы вовсе утраченным для современной науки. Так, в частности, историческая и этнографическая части «Описания» содержат такие сведения, которые Крашенинников собирал буквально по горячим следам событий, происшедших незадолго перед его приездом на Камчатку, и едва ли вероятно, что документы об этих событиях когда-либо обнаружатся в архивах, большая часть которых погибла на протяжении истекших двух столетий.

Что Крашенинников был незаурядным человеком, показывает его жизненный путь «худородного» солдатского сына, достигшего высокого звания профессора императорской Академии наук. Человеку без способностей, и способностей очень крупных, такой путь был бы, конечно, не под силу. Самое же удивительное заключается в том, что в огромном большинстве статей и исследований, опубликованных в дореволюционные годы о работах Великой северной экспедиции, участником которой был Крашенинников, всегда много уделяли внимания иностранцам-академикам, но не находили достаточно слов для оценки работы Крашенинникова. Даже невежественному Людовику Делиль де-ла Кройеру, который за восемь лет своего пребывания в Сибири почти ничего путного не сделал для науки, уделялось внимания больше, чем многогранной и ценной деятельности выдающегося, но скромного ученого, каким был Крашенинников.

ПЛАВАНИЕ ПИСЬМЕННОГО ГОЛОВЫ ВАСИЛИЯ ПОЯРКОВА ИЗ ЯКУТСКА НА АМУР И В ОХОТСКОЕ МОРЕ

Лето 1646 года, повествуют сибирские летописи, было на Лене жарким. Мелкие реки попересыхали да и на больших воды стало меньше вдвое. Тайга горела, и дым лесных пожаров, круто поднимаясь к небу, застилал солнце густой пеленой. Солнце хотя и светило, как всегда, однако далеко не так ярко, земля получала тепла меньше, чем обычно, и потому в тот год хлеба не вызрели.

«Охочим и служивым людишкам», промышлявшим «ради государева добытку», пришлось туго. Не стало зверя и птицы в тайге, а с ними не стало и пищи.

Хорошо было только тем, кто был на путях к дому, как та группа людей, которая тянула на себе вверх по Лене несколько стружков, подбираясь к «государеву Якутскому острогу». Даже невнимательный глаз постороннего наблюдателя легко определил бы в них людей, возвращающихся издалека. Люди шли почти полунагие, в сильно изорванной одежде, большинство не имело на окровавленных ногах никакой обуви...

Это после трех лет безвестного отсутствия возвратился с «поиска неясашных людишек письменной голова¹ Василей Поярков».

Письменный голова Василий Поярков был одним из тех удалых русских землепроходцев, которые, двигаясь по неизвестным еще местам, подвергаясь ежедневно и ежечасно угрозе погибнуть в борьбе с природой, человеком или зверем, делали великое дело, приобщая общечеловеческому знанию новые обширные просторы сибирской тайги, покрытой лесом, горами и серебряной па-

¹ Письменный голова — один из низших чинов тогдашней московской администрации, подчинялся воеводам и выполнял по их распоряжению различные поручения.

утиной полноводных рек. Одни падали в этой суровой борьбе и гибли, другие поднимали из рук павших товарищей их оружие и шли дальше. Время от времени им приходилось бросать походную жизнь и возвращаться в выстроенные в только только покоренной ими Сибири «государевы остроги», сдавать собранную «в ясак великому государю мягкую рухлядь» и рассказывать в воеводских канцеляриях и приказных избах о том, чему они были свидетелями, что видели и слышали собственными глазами и ушами.

Глубоким интересом ко всему происходившему в далекой Московии, за Уралом, в еще более далекой и таинственной Сибири можно объяснить тот факт, что сведения о новых, открытых в ней землепроходцами землях, обитающих в них народах и их образе жизни уже спустя 10—15 лет достигали Западной Европы. Там прислушивались к сообщениям из Московии, которая на глазах у всех вставала на Востоке как новая великая держава.

Повидимому этим глубоким интересом и объясняется то, что «скаска» Василия Пояркова и Ерофея Хабарова о великой реке Амуре, за которой лежит «хинская земля», попав в руки знаменитого голландского географа Витзена, были переведены на голландский язык и долгие годы служили для Западной Европы одним из главных источников географических знаний Восточной Азии.

Вернувшись 12 (22) июля 1646 года в Якутский острог, Поярков подробно поведал воеводам Василию Никитичу Пушкину и Кириллу Осиповичу Супоневу, да дьяку Петру Стеншину о постигших его приключениях.

15 (25) июля 1643 года якутский воевода стольник Петр Петрович Головин «послал на Амур его, Василия Пояркова, да с ним 112 старых и новоприборных служивых людей, да из гулящих людей 15 человек, да двух целовальников, да кузнеца» и «для угрозы немирных земель (то-есть таких, где население откажется поклониться великому государю ясаком) пушку железную», стрелявшую полуфунтовыми ядрами и к ней «на сто выстрелов, на запас и служилым людям для службы 8 пудов и 16 гривенок (фунтов) зелья (пороха) и столько же свинца». Он предъявил воеводам «наказную память», а

говоря на языке современных понятий попросту инструкцию, данную ему их предшественником.

В ней было написано, что «по указу государя, царя и великого князя Михаила Федоровича» он, стольник и воевода Петр Головин, велит ему Пояркову итти на Зею (Зею) и Шилку реку для «государева ясашого сбору и прииску неясашных людей, серебряной, медной, свинцовой руды и хлеба». О богатствах, которыми полны берега этих рек, воеводе стало известно от уже побывавшего за Байкалом енисейского служивого человека Максима Перфильева. На Шилке, по словам Перфильева, живет оседлое население, управляемое своим князем Лавкаем и занимающееся земледелием. Последнее известие привлекло особенно большое внимание воеводы, поскольку до тех пор русским приходилось встречать в Сибири народы, занимавшиеся преимущественно не земледелием, а скотоводством, охотой и рыбной ловлей. При том же условии, что хлеб приходилось возить издалека, из-за Урала, сибирская администрация была заинтересована в поисках местных источников снабжения хлебом. Поэтому, если взоры промышленных людей обращены были на золото, серебро и пушнину, чего, правда, не упускали из виду и воеводы, то в меньшей степени последних привлекали известия «о Даурской землице», где «ходят стада тучные, а хлеба родит в волю».

В наказной памяти указывалось даже вполне конкретно, где искать руды — близ устья реки Ура и в нижнем течении Шилки.

В заключение воевода поручал Пояркову «на те реки итти и государевым делом радеть и серебряной, и медной, и свинцовой руды проведывать и в тех местах острожки поставить, и со всем укрепить».

Еще до Пояркова на Амуре побывал какой-то Сенька Аверкиев, которого дауры пленили при слиянии Шилки и Аргуни и отвели на Зею, к князю Лавкаю «в его Лавкаеву землю». Лавкай его чуть было не убил, но другой даурский князь Шилгиной оборонил Аверкиева. В конце концов Аверкиев был отпущен с миром, у него отобрали все, что при нем было: бисер, всякие железные изделия, но не безвозмездно, так как все забранное было оплачено собольими мехами.

Покинув Якутск, Поярков быстро спустился по Лене вниз до Алдана и утром 18 июля пошел вверх по этой реке. Путь был нелегкий, надо было все время «шестить» тяжело груженные лодки, которые для скорости тянули еще и на бичеве. Но вследствие быстрого встречного течения добраться до устья левого притока Алдана — реки Учкура — удалось только через четыре недели (15 августа).

25 августа Поярков разбил свой лагерь в устье Го-нама. Гонам — бурная река, берущая начало на северных склонах Станового хребта, с большим количеством порогов и перекатов.

Письменный голова был, надо думать, человек наблюдательный. Как видно из содержания его «скаска», он для памяти отмечал многое из встречавшегося ему на пути. Так, он вел подробный счет встреченным порогам и перекатам, которых насчитал на Гонаме: первых — 42, а вторых — 22. Не записывая он всего этого, счет был бы потерян и вспомнить все было бы потом трудно.

На то, чтобы преодолеть все «сильные и великие пороги» и подняться вверх по Гонаму — реке, имеющей всего около 200 километров длины, Пояркову понадобилось пять недель, да и то не весь Гонам был пройден, ибо наступил «замороз». В тот год, если Поярков не ошибся только в счете, реки замерзли исключительно рано — 29 сентября, дней на 10—15 раньше обычного срока. Лагерь был разбит в шести днях пути от устья речки. Поярков решил оставить часть своего отряда во главе с пятидесятником к северу от Станового хребта. Он вменил ему в обязанность с приближением весны по последнему зимнему пути перейти за волок, переволочь государеву казну и хлебные запасы, построить лодки и, не мешкая долго, сплыть в Зею.

Прожив в поставленном им на месте «замороза» зимовье до 13 октября, Поярков по твердому пути с отрядом в 90 человек поднялся по долине Ньюмки, перешел через Становой хребет и к 27 октября был в верховьях правого крупного притока Зеи — реки Брянты, которая неподалеку от устья соединяется с такой же как и она крупной рекой Унахой. В бассейне Брянты, глухой таежной реки, текущей в узкой глубокой долине с крутыми

склонами, поросшими сухими лиственнично-сосновыми разряженными парковыми лесами, Поярков не встретил никакого населения. На Зею Поярков попал около 10 ноября. После этого в «скаске» имеется перерыв, и мы не знаем, что делал и как долго спускался Поярков до устья Гилюя, впадающего в Зею в средней части пересекающего эту реку хребта Тугурингра.

В Верхне-Зейской котловине, в двух днях пути пониже устья Бранты, Поярков впервые встретил местное население — оленных тунгусов, называемых им уллагери.

Пройдя Гилюй, Поярков в течение четырех дней достиг устья реки Уры, то-есть Уркана, впадающего в Зею немного ниже одноименного города. Здесь жили скотоводы — баягиры. Спустя три дня, близ устья Умлекана; Поярков впервые встретил на широких возвышенных террасах Зеи черные поля запаханной даурами земли. 13 декабря в устье Умлекана Поярков «поймал в аманаты», то-есть взял заложником местного князца Доптыула. С ним он вел длинные беседы о всем, что было ему поручено узнать об этих местах воеводою Головиным.

В результате Поярков узнал, что сами дауры не добывают серебряной и свинцовой руды и что как металлические изделия, так и ткани, приходят к ним от «хана», то-есть из Китая. Хан этот по представлениям Доптыула был большой человек, потому что если дауры не дают ему аккуратно ясак, то он присылает на Зею или на Шилку крупные отряды в две-три тысячи человек, которые в иные годы приходили «по дважды и по трижды» и все отбирали силой. Судя по тому, что Доптыул указал Пояркову срок в полтора месяца, в течение которого можно было добраться до хана, мало вероятно, чтобы это был Пекин; скорее всего это был какой-то крупный город центральной Маньчжурии, ханом же Доптыул называл не китайского богдыхана, а кого-либо из присланных в Маньчжурию правителей. Неподалеку от устья Умлекана (приблизительно в двух-трех днях пути) была резиденция и того князя Лавкая, слухи о котором дошли до далекого Якутска.

Из рассказов своего пленника, а также других даурских князей, приезжавших в лагерь к Пояркову, он понял, что здесь впервые за все время продвижения по

Сибири русские встретились не с обычными знакомыми им бедными племенами «охотных тунгусов», а с монголами, которые, находясь под влиянием китайской культуры, стояли на более высокой ступени развития. Однако слухи о богатстве самих дауров до конца не оправдались: все серебряные изделия, как правильно рассказывал Доптыул, а также шелковые камки и кумачи, оказались не местного, а китайского происхождения.

От своего пленника и его товарищей Поярков узнал, что неподалеку от Умлекана у них во владения Досия «лучшего человека Досия» находится даже укрепленный город Молдыкидыч, расположенный при устье реки Силимбы, то-есть Селемджи. Вокруг Молдыкидыча живет несколько сот человек населения, которое занимается, главным образом, земледелием и отчасти разводит скот.

Поярков обосновался на Умлекане, поставив там зимовье. Однако время шло, уменьшались взятые с собой запасы, приближался голод. В связи с этим пятидесятник Юшко Петров, десятники и все служивые люди «начали просить Пояркова, чтобы он отпустил их для государева ясадного сбора и главное для корму в Молдыкидыч... чтобы им, служилым людям, было чем прокормиться до весны».

Поярков разрешил, и 70 человек под начальством Петрова отправились во владения Досия. В напутствие Поярков велел им ни в коем случае не сердить дауров, но постараться выманить из Молдыкидыча самого Досия или каких-либо других князцов и взять их в аманаты.

Все обошлось гораздо проще, чем предполагал Поярков. Как только Петров со своим отрядом показался в виду Молдыкидыча, три даурских князя, в том числе и Досий, вышли навстречу русским и «государеву величеству поклонились», то-есть согласились дать ясак. Казаки взяли в плен аманатами Досия и другого князца — Колпну, третьего же — Доваря, сына остававшегося в аманатах у Пояркова Доптыула, они отпустили обратно в город. Досий предоставил вне Молдыкидыча Петрову и его спутникам три юрты и велел привезти им «сорок кузовов круп овсяных» и «десять скотин». Однако такое миролюбие в соединении с гостеприимством создало наивное у Петрова представление о слабости дауров и

подбило к необдуманным поступкам, от которых предупредил его Поярков, требовавший не приступать к острожку и вообще действовать так, чтобы «государю было прибыльнее». Прибыли однако никакой не получилось, а, наоборот, пошли одни потери. На следующий день Юшко, «взяв с собою знамя и пятьдесят человек служивых людей», подошел к стенам Молдыкидыча и начал осматривать, насколько они крепки и можно ли взять его приступом. Решив, судя по дальнейшему развороту событий, что взять Молдыкидыч с бою можно, Петров предварительно, для того чтобы избежать напрасного кровопролития, попробовал было убедить князей Досия и Колпну, чтобы те посоветовали своим одноплеменникам пустить русский отряд в город. Однако те категорически отказали. «В острожке, где живут у них люди многие и русских людей посепоры не знают и с ними учинят бой, и оттого де учинится дурно большее». Но так как Петров настаивал, а князья продолжали упорно отказываться, то он все же решил попытать счастье, и, взяв обоих пленников, пошел на приступ.

Тут и обнаружилось, что Досий и Колпна не врали. В Молдыкидыче народу оказалось больше, чем можно было предполагать. Даурские воины вышли из ворот города, а также из подлазов, то-есть подземных выходов, что, повидимому, для казаков оказалось уже вовсе неожиданным, и вступили с ними в бой, окружив со всех сторон. На помощь жителям Молдыкидыча пришли и «конные люди», начался «бой великой». В неравной схватке Юшко Петров был разбит, вынужден бежать из-под острожка и оставить на поле боя девять тяжело раненых товарищей; кроме того, были ранены и все «достальные служивые люди». Что касается аманатов, то один — Колпна — во время боя был, повидимому случайно, убит, а другой — Досий, напав неожиданно на охранявшего его казака, убил его и бежал к своим в острожек. Петров с оставшимися в живых товарищами после того три дня оборонялся в предоставленных накануне Досием юртах и, воспользовавшись редкой здесь в это время года темной облачной ночью, бежал к Пояркову на Умлекан.

Произошло то, чего более всего боялся Поярков. Посланные не только не привезли продовольствия, которое

приказал им выдать Досий, но и потеряли то небольшое свое, что с ними было. Вдобавок, уйдя здоровыми, они вернулись израненными и больными, не способными к труду людьми. Поярков понял, что теперь, после происшедшего под Молдыкидычем, окрестное население ему ничего добровольно не даст, а рассчитывать на подвоз продовольствия, оставленного на Гонаме, можно только с наступлением весны, когда по полоой воде придут остатки отряда. Между тем был только январь месяц. Уверенной поступью надвигался голод. Для того, чтобы избежать недовольства со стороны казаков, Поярков разделил имевшиеся у него на Умлекане запасы между всеми поровну, причем пришлось по «30 гривенок», то-есть фунтов, на человека; этого, понятно, было чрезвычайно мало — ведь ждать половодья надо было минимум три с половиной месяца. В довершение всех бед и голода, в течение которого люди уже начали питаться сосновой корой и корнями растений, умудрился бежать содержавшийся под охраной «в железах», то-есть в цепях, последний аманат — Доптыул, которого «во те поры» охраняли служивые люди — Галка Сурнин и Оська Кроха. О критическом положении в Поярковском лагере теперь стало широко известно всем даурам, которые немедленно после возвращения своего князя стали нападать на русских, не опасаясь никаких репрессий в отношении пленника. В результате этих нападений и от истощения из 61 вернувшихся с Петровым из Молдыкидыча человек умерло 40. Остальным же Поярков предложил, «кому охота не помереть», выйти на луг, где валялись трупы убитых во время стычек дауров, и «кормиться ими, если хотят». «И пошло де их на тот луг служивых людей 10 человек — Кручинка Родионов с товарищами», а потом к ним пристали еще двое — Панкрашка да Ивашка Москва. Отказавшиеся питаться трупами «Юшко Гомскѣй — Кислѣй и иные служивые люди... почали бить челом» Пояркову, чтобы он разрешил воспользоваться припрятанными припасами и хлебом ушедших на луг питаться мертвечиной, «буде если такие сыщутся». Действительно, кое-что было обнаружено, но очень немного: у кого-то одному, по два, но не более пяти фунтов. Казаки настолько были озлоблены тяжелым положением, в которое

попали по вине собственных же товарищей, что даже по возвращении в Якутск, спустя два года, не остановились перед оговором Пояркова, обвинив его в глазах воевод в том, что «он де, Василий служивых людей бил и мучил напрасно и, пограбив у них хлебные запасы, из острожку их вон выбил, велел им иттить есть убитых иноземцев», и много другой возвели на него напраслины. К счастью для Пояркова, в его отряде нашлись честные люди, которые не покривили душой и вывели на чистую воду товарищей, объяснив воеводам, что это как раз те, которые ели трупы и остались благодаря этому живы и что остатки хлеба, обнаруженные у них, Поярков не грабил, а поровну распределил среди тех, которые предпочли умереть, но трупов не есть. Таким образом, истина была обнаружена, и Поярков остался оправданным в своих действиях.

Когда весною на Умлекан приплыл пятидесятник Патрикей Минин с остатками перезимовавшего на Гонаме отряда и привез продовольствие, Поярков решил плыть по Зее дальше вниз по течению.

Ниже устья Селемджи Поярков встречал большие острожки с населением до двухсот человек, окруженные большими распаханными полями. На лугах повсюду был виден домашний скот.

Поярков рассказал воеводам, что за Селемджой Зeya густо заселена ведущими оседлую жизнь даурами, которые «сеют шесть хлебов розных: ячмень, овес, просо, коноплю, гречу и горох». У них, отмечает он, есть «лошади и коровы, и бараны, и свиньи много и куры есть». Хлеба у дауров родится много, но хану они платят ясак не хлебом, а, обладая довольно большим количеством пушнины, — соболями, получая в обмен на них шелковую камчатную ткань и бумажную желтую, красную, черную и особенно синюю материю, «дабой называемую».

Проплыв несколько дней по Зее и отметив большое скопление занимающихся земледелием дауров по левому ее притоку — Томи, то-есть в пределах той части Приамурья, которая теперь известна под именем Зейско-Буреинской равнины, Поярков выплыл на Шилку; он обратил внимание на то, что Зeya больше и многоводнее Амура выше ее устья, иначе бы он не сказал, что Шилка впадала в Зею, если бы считал Шилку главной рекою.

На Амуре, во владениях князя Болдачины (в пределах той же Зейско-Буреинской равнины), Поярков впервые отмечает появление огородных культур. «У Болдачины родится овощ — огурцы, мак, бобы, чеснок, яблоки, груши, орехи грецкие и орехи русские».

Ниже устья Зеи по Амuru появился новый народ — дучеры, или, как их называет Поярков, «джючеры». Это были уже не тунгусы, ибо у них, отмечает Поярков, «язык свой, а толмача джючерского не было».

Чтобы узнать, далеко ли осталось до моря, Поярков для разведки послал десятника Илейку Ермолина и с ним 25 человек. Их не было трое суток, а на четвертые вернулись только два человека и рассказали, что, когда они находились в полудневном переходе от разбитого Поярковым лагеря, на них ночью, во время сна, напали дучеры и убили остальных.

Дучеры, так же как и дауры, вели оседлый образ жизни, занимаясь хлебопашеством и скотоводством «...и рыбы у них много... белуги и осетров и иной всякой много, а зверя соболя и иного всякого много».

До соединения Амуре (Шилки Пояркова) с Сунгари (Шунгал) Поярков продолжает называть его Шилкой и только после соединения с Шунгалом отмечает: «А как Шунгал-река сошлась с Шилкою, и так пошла Шунгал, а не Шилка». Проплыв от места соединения Шунгала с Шилкой еще шесть дней, Поярков подошел к устью впадающей справа в Шунгал реки, которую он впервые называет Амуром — это была река Сунгари, соединяющаяся, как известно, с Амуром в районе Хабаровска. Только отсюда в обиходе Пояркова появляется Амур: «а как Амур сошлась с Шунгалом и так пошла Амур-река и до моря».

Из этого видно, что только после Пояркова для течения реки выше Сунгари стало употребляться вместо Шилки новое наименование — Амур, которым он называл только нижнюю часть нынешнего Амуре.

В нижнем течении Амуре Поярков отмечает наличие двух народов — натков, или ачанов, которые живут по обеим сторонам Амуре улусами и не платят никому ясак, и гиляков, обитающих по берегам Охотского моря и Татарского пролива. Как и в 1849 году, когда в низовьях

Амура начал свою деятельность Г. И. Невельской, на протяжении всех двухсот лет, истекших со времени появления в этих местах Пояркова, на население этого края не распространялась власть или зависимость от Китая.

В отличие от дауров и дучеров натки и гилияки землю под хлеб не пахали и хотя имели кое-какую скотину, но жили главным образом рыболовством, проживая летом в шалашах, а зимою «в юртах рубленых безоконных».

Благополучно перезимовав в устье Амура, Поярков сумел захватить трех аманатов и взял с них «12 сороков соболей да шесть шуб разных, и тех аманатов довел с собой до Якутского острогу».

На выстроенных специально для плавания по морю судах Поярков вышел, как только вскрылся Амурский лиман, и направился обратно в Якутск. Спустя 12 недель повидимому обошедшегося без приключений плавания по морю он добрался до впадающей в Охотское море реки Ульи. Был конец августа 1645 года. Поярков, найдя здесь зимовье, оставленное в 1639 году Иваном Москвитиним, решил дать отдых своим людям и, только перезимовав, отправился уже прямо в Якутск. И здесь он сумел взять в плен аманата и собрал ясак — «17 соболей, да семеры наполники соболя, да 7 пластин соболевых». Оставив на Улье 20 человек служивых во главе с Емелькой Шелковником, «ради ясашного сбора государевой казны», Поярков последним вешним путем на нартах за две недели добрался через Джугджур до верховьев Майи и оттуда после 16 дней пути прибыл в Якутск, закончив, таким образом, свои трехлетние испытания.

Возвращение Пояркова и его рассказы о «новоприисканной реке Амур», где люди живут в достатке, имея много хлеба, скота, рыбы, бьют много зверя, которого меняют с китайцами на серебро и «узорочье», то-есть шитые шелка, что этих людей «можно привести под государеву высокую царскую руку и в вечном холопстве укрепить», всколыхнули широкие массы служивых и охотных людей, заставив их надеяться на легкую и добрую поживу.

Воеводы Пушкин и Супонев просили у царя Алексея Михайловича разрешения на организацию более круп-

ной экспедиции «в дауры», соблазняя его ясаком и указывая на то, что «только де, государь, ты укажешь на даурскую землю послать, и тебе, государь, будет прибыль, служивые люди будут в хлебных и скотных местах, и твоим, государь, служивым людям в хлебных запасах скудости никакой не будет». В конце концов такая экспедиция и была организована, но, не дойдя до истоков Гонама, вернулось обратно.

Бежавшие в Маньчжурию дауры вызвали на помощь китайские войска с пушками, ружьями, осадными орудиями, чем была вызвана длительная, почти не прекращавшаяся, то затахавшая, то снова вспыхивавшая с переменным успехом, война с Китаем. Она завершилась договором, подписанным в Нерчинске 27 августа (6 сентября) 1689 года. Согласно ему русским пришлось освободить все левобережье Амура к востоку от реки Горбицы, которая впадает в Амур слева близ реки Черной, а «от вершины тоя реки каменными горами (Становой хребет), которые начинаются от той вершины реки и по самым тех гор вершинам,... до моря протяженным, обоих государств державу тако разделить, яко всем рекам малым или великим, которые с полуденные стороны сих гор впадают в реку Амур, быти под владением Хинского государства», всем же «рекам, которые с другие стороны тех гор идут, тем быти под державою царского величества Российского государства; прочие же реки... сущие меж той вышеупомянутой рекой Удью и меж горами, которые до границы надлежат (то-есть между Становым хребтом), не ограничены ныне да пребывают, понеже на оные земли великие и полномочные послы, не имеющие указу царского величества, отлагают неограничены до иного благополучного времени».

Отсутствие точно установленных границ дало возможность Г. И. Невельскому, спустя 160 лет после заключения Нерчинского договора, поставить Амурский вопрос заново и на этот раз разрешить его в пользу России, чего в XVII веке не могли добиться при наличии тогдашних сил ни казаки-землепроходцы, ни сибирская администрация, ни царское правительство.

Г. И. Невельской

ОТКРЫТИЯ Г. И. НЕВЕЛЬСКОГО В НИЗОВЬЯХ АМУРА

Условия изложенного выше Нерчинского договора от 27 августа (6 сентября) 1689 года почти на два столетия сковали продвижение к морю в бассейне Амура сначала «землепроходцев» — казаков, а позднее и инициативу самого русского правительства.

Несмотря на то, что земли, лежащие к востоку от верховий левых притоков Амура — Зеи и Буреи, остались, согласно статье 1-й Нерчинского трактата, неразграниченными и, таким образом, никому из заинтересованных сторон не принадлежащими, они продолжали представлять интерес для России, как возможная сельскохозяйственная база всей Восточной Сибири, а владение Амуром давало удобный выход к морю. Вместе с тем русское правительство, заинтересованное в продолжении нормального развития торговли в Кяхте (единственном пункте, открытом для торговли с Китаем), не решалось настаивать перед китайским правительством на окончательном установлении государственной границы.

В этом отношении некоторое влияние на решение русского правительства оказывали и материалы географического изучения Приамурья, известные в то время.

«...Испытания, учиненные нами, не оставляют теперь ни малейшего сомнения, что Сахалин есть полуостров, соединяющийся с Татарией¹ перешейкомвход же в Амур, по мелководности его лимана, недоступен для больших кораблей....»

Так писал знаменитый русский мореплаватель Иван Федорович Крузенштерн в своем отчете о первом кру-

¹ Так называли в конце XVIII и начале XIX веков область Приморья и Приамурья.

госветном плавании русских моряков на кораблях «Надежда» и «Нева», опубликованном в 1813 г.

Этой точки зрения придерживались не только Крузенштерн и его предшественники по изучению Татарского пролива и Амурского лимана, но и многочисленные экспедиции, русские и иностранные, посетившие эти места после Крузенштерна. С тех пор до описываемых ниже событий прошло без малого почти 45 лет, пока многолетнее заблуждение не было разрешено.

Честь этого открытия и установления истины принадлежит одному из замечательных русских людей и патриотов — Геннадию Ивановичу Невельскому, верно оценившему значение Амура.

Достаточно познакомиться со старыми материалами конца XVII и первой половины XVIII веков, чтобы убедиться в том, что до конца XVIII века никто в России (особенно после второй камчатской экспедиции Беринга) не ставил под сомнение островное положение Сахалина и наличие морского пролива между ним и материком. Другое дело, что береговой линии придавались на картах неправдоподобные очертания, но тем не менее на этих картах Сахалин всегда показывался островом. Таким образом, правильные представления об этих местах, созданные русскими казаками, позднейшими исследователями (в основном деятелями Великой северной экспедиции) и картографами первой половины XVIII века, к концу XVIII века оказались утраченными. Это изменение географических представлений, для того времени казавшихся вполне убедительными, определенным образом влияло на русское правительство, которое, считая Амур рекой, не заслуживающей никакого внимания, упорно придерживалось этой точки зрения вопреки очевидности, что такая крупная река не может обладать устьем, недоступным с моря.

Легенда о перешейке возникла позднее, когда в 1787 году французская кругосветная экспедиция под начальством знаменитого Жана-Франсуа де-Лаперуза прибыла в Татарский пролив с намерением пройти на север до низовьев Амура с целью их исследования, но с задней мыслью, как пишет Г. И. Невельской в своих записках, «в случае благоприятных условий для плавания

в этих местах — водворить там свое владычество». Подобная возможность не представляла ничего невероятного, поскольку вся территория, прилегавшая к низовьям Амура, официально, по добровольному соглашению между Россией и Китаем, считалась не принадлежащей ни одной из этих держав, и это всем было хорошо известно.

В свое время боярин Головин, подписавший от имени России Нерчинский трактат, учитывая реальные возможности русских в Сибири и на Амуре и понимая, что с имевшимися силами огромного и безлюдного края не удержать, настоял на включении в договор указания на то, что все эти земли «великие и полномочные послы... отлагают не ограничены до иного благополучного времени». Решение вопроса, удовлетворительно найденное в XVII веке, в XVIII веке во многих отношениях уже превращается в тормоз. Мечта о русском Амуре никогда не покидала сибирскую администрацию и население Сибири. По этому вопросу неоднократно возникала переписка, но до поры до времени все оставалось втуне.

Лаперуз, открыв на побережье залив де-Кастри, путем расспроса обитавших здесь гиляков пытался установить очертания материкового и сахалинского берегов Татарского пролива. Гиляки, когда Лаперуз на песке чертил перед ними план берегов пролива, неизменно проводили между ними черту. Лаперуз, решив, что гиляки показывают, таким образом, наличие существующей между Сахалином и материком обсыхающей мели, допустил огромную ошибку, которая, будучи сочтенной за истину, чуть было не повлекла за собою, бесспорно ставшую бы роковой для нашей родины, потерю Амура.

Для проверки правильности показаний гиляков Лаперуз отправился к северу и вскоре, встретив мели и глубины меньше 18 м, побоялся рисковать судном и стал на якорь. Обнаружив, что нет никаких признаков следующего с севера течения, он решил, несмотря на казавшиеся ему убедительными признаки отсутствия пролива между материком и Сахалином, послать на север две шлюпки. Шлюпки эти, пройдя около 6 миль на север вдоль сахалинского берега, достигли песчаного мыса, уходящего от Сахалина в западном направлении и, как показалось бывшим на них людям, соединявшегося там

с высоким и скалистым материковым берегом. Этого внешнего впечатления оказалось достаточно для того, чтобы прекратить дальнейшие исследования и вернуться на корабль.

После этого Лаперузу ничего не оставалось делать, как счесть вход в устье Амура запертым с юга низменным песчаным перешейком (он допускал, правда, что последний на время прилива мог покрываться водой) и потому недоступным. Не обнаружив на западном и восточном побережьях Татарского пролива, южном и восточном побережьях Сахалина и острова Хоккайдо никаких иных удобных для стоянки гаваней, кроме открытого им залива де-Кастри, Лаперуз не счел нужным поднимать французский флаг в этих пустынных и ничего не обещавших местах и через названный его именем пролив, отделяющий Сахалин от Хоккайдо, вышел в Тихий океан.

Через шесть лет после Лаперуза берега Татарского пролива посещались английской экспедицией Браутона, который, так же как и Лаперуз, сделал попытку проникнуть в Амурский лиман с юга. Однако, пройдя на 6 миль севернее Лаперуза, Браутон встретил глубины всего около 5 м. Последнее обстоятельство заставило его опасаться дальнейшего уменьшения глубин, что при незнании фарватера могло кончиться гибелью судна на песчаных банках.

Как и Лаперуз, Браутон послал для разведки шлюпку. По возвращении находившийся на ней помощник Браутона Чапман доложил, что, несмотря на значительные глубины, встреченные им на пути следования, они отрывочны, зато мель, вдоль которой он шел с востока на запад, полностью перегораживает пролив и, повидимому, соединяется с материком. Браутон согласился с Лаперузом в том, что из Японского моря нельзя проникнуть в Охотское, и что, таким образом, Сахалин — полуостров.

В августе — начале сентября 1805 года к берегам Сахалина подошла русская экспедиция И. Ф. Крузенштерна, имевшая специальное поручение правительства — подробно описать берега Сахалина вблизи Амурского лимана. Обойдя на этот раз Сахалин с севера, Крузенштерн пошел к югу и 13 (25) августа 1805 года, увидев между Сахалином и материком узкий пролив шириною около

6 миль, принял его за подводное русло Амура, промытое рекой в рыхлых наносах, слагающих дно лимана. Когда глубины дошли до 12 м, Крузенштерн повторил то же, что в аналогичных условиях предприняли Лаперуз и Браутон. На разведку была послана шлюпка под начальством лейтенанта Ромберга. Последний, заметив, что с юга на север идет сильное течение, что вода в лимане не соленая, а пресная и что глубины с 8 уменьшились вскоре до 7 м, вернулся с этим донесением обратно на корабль, не попытавшись даже достичь материка.

И. Ф. Крузенштерн, несмотря на явную недостаточность наблюдений Ромберга, удовлетворился ими и, боясь встретиться с якобы находившейся в устье Амура крупной китайской флотилией, предпочел вернуться обратно на Камчатку.

В донесении правительству Крузенштерн сообщил, что он полностью присоединяется к мнению Лаперуза и Браутона, считавших Сахалин — полуостровом, а плавание из Татарского залива в Амурский лиман невозможным.

Авторитет трех знаменитых путешественников в значительной мере замедлил ход дальнейших событий.

В то время снабжение Камчатки и Аляски, тогда принадлежавшей России, было чрезвычайно трудным. «Куда, — пишет в своих записках Г. И. Невельской, — без всякой дороги, чрез пустынные леса, горы и болота могли проникать ватаги отважных промышленников и казаков, туда нельзя было без дорог провозить значительных тяжестей». А дорог действительно не было. Грузы преодолевали тысячекилометровые пространства и многие месяцы пути шли кружными путями: морем вокруг мыса Горн или всей Африки и Азии, или же по сухопутью через Иркутск к верховьям Лены, затем по Лене до Якутска и отсюда по крайне неудобной трактовой тропе в Охотск.

Товары между Якутском и Охотском перевозились во вьюках на лошадях или оленях, подмокали, портились и гибли при переправах через быстрые многоводные сибирские реки и топкие болота.

Расходы по перевозке товаров значительно превосходили их фактическую стоимость. Единственно удобным путем мог бы быть только Амур.

Но отсутствие ясности в вопросе о государственной принадлежности низовьев Амура, недвусмысленно заявлявшееся неоднократно Китаем нежелание вступить в переговоры об уточнении границ и угроза прекратить прибыльную для России кяхтинскую торговлю заставляли Россию довольствоваться существовавшим положением. Однако в XIX веке, особенно к сороковым годам, когда многочисленные иностранные китобойные и даже военные суда стали частыми посетителями Охотского и Берингова морей, проблема удобного сообщения с русскими владениями на побережье Тихого океана стала приобретать и стратегическое значение. Поэтому русское правительство, учитывая неудобство дальнего и круглого сообщения через моря и океаны в случае возникновения вооруженного конфликта с какой-либо из европейских морских держав, снова возвращается к мысли об Амуре.

По личному поручению императора Николая I для окончательной проверки Амурского вопроса на месте Российско-американской компанией в Амурский лиман в августе 1846 года был послан бриг «Константин» под командованием поручика Гаврилова. В инструкции императора указывалось, что для правильного решения Амурского вопроса необходимо «принять все меры, дабы паче всего удостовериться, могут ли входить суда в реку Амур, ибо в этом и заключается весь вопрос, важный для России».

Бриг «Константин» вышел из Аяна 1 августа 1846 года и через 8 дней уже был в Амурском лимане; он шел медленно против встречного ветра, лавируя среди многочисленных банок и мелей. Достигнув 53° северной широты, бриг встал у Сахалина на якорь. Гаврилов на байдарках отправился к устью Амура. Здесь он прошел вверх по течению около 12 миль и, не встретив ни китайского флота, ни других вооруженных сил, вернулся обратно на судно. На шлюпке затем отправился по глубокому каналу на юг. Под 52°46' северной широты он встретил отмель, решил, что это начало мелей, обрамляющих с севера описанный Лаперузом, Браутоном и Крузенштерном низменный песчаный перешеек, и вернулся на корабль. 24 августа Гаврилов отправился в обратный путь и 1 сентября был снова в Аяне.

В ответ на доклад председателя правления Российско-американской компании адмирала Врангеля о том, что, по документам, представленным Гавриловым, северная часть лимана и устье Амура доступны только для мелкосидящих шлюпок, император Николай I положил резолюцию: «весьма сожалею, вопрос об Амуре, как реке бесполезной, оставить; лиц, посылавшихся к Амуру, наградить». Амурская проблема, как писал Врангелю министр иностранных дел граф Нессельроде, должна «навсегда считаться конченной». Вскоре после этого состоялось решение «Особого комитета» под председательством графа Нессельроде, согласно которому южную границу нашу с Китаем предполагалось «провести по южному склону Хинганского и Станового хребтов до Охотского моря и Тугурской губы и отдать... навсегда Китаю весь Амурский бассейн».

Казалось, все было кончено. Решение принято в сознании бесполезности устья Амура для России.

Однако дальнейшие события привели к иным результатам. Виновником их был молодой, малоизвестный тогда морской офицер Г. И. Невельской.

Еще в морском кадетском корпусе, куда он поступил в апреле 1829 года (15½ лет от роду), юноша Невельской с увлечением изучал историю и географию своей страны. Ему стали известны соображения Петра I о важности для России Амура. Интересуясь всем, что было так или иначе связано с именем Петра, он углубленно занялся изучением всей имевшейся литературы по Амурскому вопросу и пришел к выводам, отличным от официальной точки зрения. Он считал, что такая большая река как Амур не могла не иметь доступного для больших судов выхода к морю. Доводы трех знаменитых путешественников ему казались неубедительными, ибо никто из них не пересек с юга на север и с востока на запад того перешейка, который по их мнению соединял материк с Сахалином. Однако одним убеждением дела не поправишь. Для этого нужны факты, личные наблюдения, а такими фактами Невельской в то время не располагал.

Добываясь назначения в Тихоокеанские воды, Невельской по ходатайству генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича в декабре 1847 года был на-

значен командиром на транспорт «Байкал», который должен был доставить груз в Петропавловск-на-Камчатке.

Как только Невельской получил назначение, так немедленно снова поднял вопрос об Амуре.

Началось это с того, что по совету начальника Главного морского штаба князя А. С. Меншикова Невельской решил представиться генерал-майору Н. Н. Муравьеву, незадолго перед тем назначенному на пост генерал-губернатора Восточной Сибири.

В своем первом разговоре с Муравьевым Невельской обратил его внимание на важность Амура для удобного и, во всяком случае, более быстрого сообщения между Восточной Сибирью и Камчаткой. На это Муравьев ответил, что не только обладание Амуром, но одна возможность пользоваться им как путем сообщения уже представляла бы огромное значение для России. Но, к сожалению, сказал он, все здесь убеждены в том, что Амур не нужен, ибо «положительно доказано, что войти в его устье могут только одни лодки». На указание Невельского, что доставляемые Амуром в океан огромные массы воды должны находить себе выход и притом выход с достаточными для плавания глубинами, Муравьев ответил только тем, что по мере сил он будет оказывать содействие молодому капитан-лейтенанту.

На представление Невельского самому Меншикову произвести исследование лимана на посылаемом под его командой транспорте «Байкал» Меншиков не дал ему согласия, мотивируя отказ тем, что «возбуждение вопроса об описи реки Амура, как реки китайской, повлечет к неприятной переписке с китайским правительством, а граф Нессельроде на это тоже не согласится и не решится представить государю Николаю Павловичу». «Поэтому, — сказал князь, — нечего думать о том, что невозможно». Кроме того Меншиков указал, что для выполнения этой новой задачи у Невельского не будет времени, так как он доедет до Камчатки лишь осенью 1849 года, когда условия плавания становятся здесь крайне неблагоприятными из-за частых штормов и туманов, что, при наличии большого количества мелей, легко может стать причиной гибели судна. Наконец, Меншиков указал и на недостаток средств, отпущенных до конца 1849 г.

Последние два соображения Меншикова оставляли, по мнению Невельского, для него выход только в том, чтобы ускорить снаряжение судна и выход его в плавание из Кронштадта с тем, чтобы прибыть в Петропавловск не осенью, а в мае, в июне сдать весь груз камчатским властям и остаток лета и осень 1849 года употребить для изучения Амурского лимана.

Невельский ускорил постройку и спуск на воду транспорта, добился улучшения качества подлежащих отправке грузов, а также их упаковки, что позволяло ему по прибытии на место произвести разгрузку с максимальной быстротой. Вместе с тем, он отказался принять гнилые товары, которые интендантским ведомством обычно сбывались на Камчатку, восстановил против себя всех интендантов и содержателей магазинов, которые, подняв сначала бурю, а затем убедившись, что с честным и неподкупным Невельским такими методами ничего не добьешься, начали хлопотать лишь о том, чтобы, удовлетворив все требования, как можно скорее выдворить его из Кронштадта.

Посылая Невельского на Камчатку, Меншиков явно желал в случае удачи пожать лавры, а при неудаче выйти сухим из воды; он писал в своей инструкции весьма скользко, что Невельскому разрешается «...осмотреть юго-восточный берег Охотского моря между теми местами, которые были определены или усмотрены прежними мореплавателями».

Но ведь Крузенштерн заходил в Амурский лиман, а Гаврилов даже поднимался вверх по Амуру! Где же можно провести грань между тем, что можно и чего нельзя делать, чтобы не навлечь на себя наказания, которым пригрозил Меншиков Невельскому в случае слушания. Положение было весьма трудным. Поэтому Невельской, желая заручиться содействием Муравьева, пишет тому в Иркутск письмо и сопровождает его составленным им проектом инструкции, которую просит, просмотрев, переслать обратно в Петербург для утверждения императором. Согласно одному из пунктов этой инструкции Невельской предполагал «...описать юго-восточный берег Охотского моря и берега Татарского пролива..., после чего следовать в Охотск и, сдав транспорт,

со всеми офицерами возвратиться берегом (то-есть через Сибирь) в Петербург».

Отдавая себе отчет в риске, которому он подвергался в случае неудачи, Невельской тем не менее писал в указанном письме Муравьеву: «без Вашего содействия я не надеюсь получить разрешения... постигая всю важность для России познания этой страны, я употреблю всю мою деятельность и способности, чтобы представить добросовестную картину мест, доселе закрытых от нас мраком».

21 августа (2 сентября) 1848 года транспорт «Байкал» вышел из Кронштадта. Он двигался под парусами и 15 (27) ноября бросил якорь в гавани Рио-де-Жанейро, столицы Бразилии. 2 (14) января 1849 года «Байкал» пересек меридиан мыса Горн и вошел в воды Тихого океана, а еще через месяц был в гавани Вальпарайзо (Чили). После короткой остановки в Гонолулу, столице Гавайских островов, судно через 8 месяцев и 23 дня по выходе из Кронштадта вошло в Авачинскую гавань и стало на рейде в Петропавловске.

Начальник Камчатки капитан Машин в рапорте Меншикову о прибытии Невельского сообщал, что, «ко всеобщему удивлению, «Байкал» прибыл гораздо раньше обычного (на 2,5—3 месяца) с совершенно здоровой командой (явление исключительное по тому времени) и привез не обычную рвань и гниль, сплавлявшуюся интендантами на Камчатку, а грузы высокого качества».

В Петропавловске Невельской получил письмо от Муравьева с копией инструкции, посланной им на утверждение императору в Петербург, однако самой инструкции не было. Время же шло. Надо было действовать или отказаться от поставленной задачи. Невельской решился действовать на собственный страх и риск. Собрав к себе в каюту помощников, он познакомил их со своими планами. «На нашу долю, — говорил он, — выпала... важная миссия, и я надеюсь, что каждый из нас исполнит свой долг перед отечеством». В сознании этого долга он 30 мая (11 июня), как только были получены с Алеутских островов байдарки, нужные ему для исследований в низовьях Амура, ставит паруса на «Байкале» и при тихом ветре направляется к восточному берегу Сахалина,

12 (24) июня к 12 часам дня туман, закрывавший перед тем все своею пеленою, рассеялся. Показался низменный пологий берег, за которым тянулись невысокие горы. Местами виднелись низменные косы — «кошки», с расположенными между ними и берегом заливами. Между тем по карте Крузенштерна в этом месте был показан не песчаный низменный, а скалистый берег. Кроме этой ошибки, вытекавшей из рассмотрения карты Крузенштерна, выпукло обозначалась и вторая не менее существенная. По карте Крузенштерна следовало, что до берега от того места, где находился в это время «Байкал», должно было оставаться еще 19 миль, транспорт же шел под парусами вдоль самого берега. Невельскому стало легче на душе: где возможна одна ошибка — могла быть допущена и вторая. В своих записях Невельской отмечает, что и в следующие дни, когда «Байкал» шел в 4,5—5,5 км от берега, по карте Крузенштерна это расстояние исчислялось в 13—35 км.

Подробно обследовав северо-восточный берег Сахалина, Невельской 17 (29) июня обогнул крайнюю северную оконечность острова — высокий и скалистый мыс Елизаветы — и пошел вдоль западных берегов Сахалина к югу. При входе в широкий залив, названный Невельским заливом «Байкал», судно село на мель. Положение было критическим. Вода стала прибывать, корабль било о дно, ему угрожала большая опасность. Погибни корабль — с ним погиб бы и Невельской.

Но судьба миловала Невельского. После 16-часовой напряженной работы всей команды судну удалось сняться с мели. Ночь продержались в открытом море, лавируя под парусами вдали от берега, а с наступлением утра корабль вступил в самый лиман Амура. Судно медленно пошло дальше на юг. Не доходя мыса Головачева, Невельской убедился, что отсюда по направлению к материку поперек лимана протянулась песчаная банка, через которую «Байкал» ввиду малых глубин пройти не мог. Спустив на воду шлюпку, которая шла вдоль банки, отмечая глубины, «Байкал», тихо лавируя, продолжал плыть вслед за нею.

Транспорт подошел к высокой конусообразной горе, лежавшей за мысом Ромберга, того самого Ромберга,

который, будучи послан Крузенштерном для отыскания прохода в Татарский пролив, вернулся обратно ни с чем. Невельской назвал эту гору — самый отличительный пункт при входе в лиман Амура с севера — «горой Меньшикова». 27 июня (9 июля), не доходя мыса Ромберга, «Байкал» встретил наконец достаточные глубины (8—9 м), которые позволили ему обогнуть отмель и повернуть вдоль берега на юг.

«Тут, пишет Невельской, ... мы встали на якорь на северном рейде лимана. Он защищен с севера тянущейся от мыса Головачева лайдой, обсыхающею в середине при малой воде; с запада и востока — берегом Сахалина и матерым берегом, с юга же — отмелями, между которыми идут лиманские заводи и каналы. С этой части лимана «началось исследование на транспорте и шлюпках с целью ознакомления с его состоянием и отысканием фарватера к югу. Встреченные при этом неправильные и быстрые течения, лабиринты мелей, банок и обсыхающих лайд и, наконец, постоянно противные юго-западные свежие ветры, разводившие сулои¹ и толчей на более или менее глубоких между банками заводях, в которые неоднократно попадал транспорт и часто становился на мель, делали эту работу на парусном судне, не имевшем даже паровой шлюпки, тягостною, утомительною и опасною, так что транспорт и шлюпки весьма часто находились в самом трагическом положении. Много надобно было энергии, чтобы при таких обстоятельствах твердо итти к намеченной цели».

На первых порах помощники Невельского мичман Гроте и лейтенант П. В. Козакевич занялись изучением первый сахалинского, второй материкового берегов. Гроте, изучив восточный берег лимана, сообщил, что залив Байкал не имеет с ним сообщения. Когда же он пошел на юг вдоль берега Сахалина, встречая глубины в 10—16 м, то вскоре достиг отмели, тянувшейся отсюда на запад и, казалось, заграждавшей вход в лиман из Татарского пролива.

¹ В данном случае под именем «сулоев» Невельской отмечает места встречи противоположных течений, возникающих в результате действия сильного ветра и течения реки, образующих всплески, подвороты и толчей.

Козакевич прошел вдоль берега на юг до возвышенного мыса Тебах, где начиналась бухта, далеко уходящая в западном направлении, откуда, по словам Невельского, «шло сильное течение». Эта бухта и представляла устье Амура.

Козакевич поднялся на гору Тебах и оттуда имел возможность наблюдать Амурский лиман со всеми его лайдами, изрезанными протоками и большими озерами. Так как при недостатке времени и средств Невельской не имел возможности провести сколько-нибудь точную и подробную опись хотя бы одного фарватера, он решил, не теряя времени, подняться под левым берегом Амура вверх по течению насколько возможно дальше, чтобы ясно обозначились оба берега реки и затем, «не теряя нити глубин, спуститься под правым берегом до ее устья и далее по лиману в Татарский пролив до той широты, до которой доходил капитан Браутон», после чего вдоль западного берега Сахалина вернуться на транспорт.

10 (22) июня Невельской на трех шлюпках отправился в плавание, создавшее ему имя, известность и признание поколений. 11 (23) июня был обойден мыс Тебах, и лодки вступили в воды самого Амура. Глубины были не меньше 5 м. Пройдя до образованного рекою мыса, на котором позднее был основан город Николаевск, Невельской перешел на правый берег реки и вскоре достиг правого входного мыса Пронге. Путь проходил по местам с глубинами от 10 до 20 м, пока 22 июля (3 августа) 1849 года лодки не достигли наиболее узкого места в Татарском проливе. Здесь-то, между скалистыми мысами, названными именами Лазарева и Муравьева, и низменным мысом Погоби на Сахалине, вместо обнаруженного Лаперузом, Браутоном и Крузенштерном и в 1846 году Гавриловым низменного перешейка, Невельским был открыт пролив шириною 6,9 км и с глубинами от 6 до 14 м. Этот пролив, названный позднее именем Невельского, соединяет южную часть Татарского пролива, с расположенным к северу от образуемого им сужения Амурским лиманом. 24 июля (5 августа) Невельской достиг тех мест, до которых доходили Лаперуз и Браутон.

Сомнений больше быть не могло. Сахалин не был полуостровом. Поколебленная было силой авторитетов

трех знаменитых путешественников истина, установленная первыми русскими исследователями и картографами, в основном правильно описавшими и положившими на карту берега этой части Тихого океана, снова была восстановлена.

Маленькая эскадра прошла под сахалинским берегом обратно в северном направлении и к вечеру 1 (13) августа вернулась на «Байкал».

Практические результаты, полученные Невельским, были огромны, поскольку им с предельной ясностью было доказано не только существование морского пролива, разделяющего Сахалин и материк, но и то, что, следуя Татарским проливом, в лиман Амура с юга могут войти суда с осадкою до 15 футов, а из Охотского моря до 12 футов.

Достигнув своей главной цели, установив попутно, что в устье Амура, кроме небольших гилляцких деревушек, нет ни грозного китайского флота, ни других вооруженных сил (чем были подтверждены сведения, доставленные ранее Гавриловым), Невельской 3 (15) августа на «Байкале» вышел из лимана и, описывая побережье, направился к северу. Вскоре за мысом Тлянгет он обнаружил огромный залив, названный им заливом «Счастья» в честь удачи, сопутствовавшей ему в путешествии по Амурскому лиману. Залив Счастья отделен от Охотского моря несколькими, сложенными галькой и песком, низменными кошками — островами, из которых южный носит теперь имя Байдукова, а северный — Чкалова. Расположенная к северу от острова Чкалова кошка, бывшая когда-то тоже островом, причленилась к материку. Она образовала далеко уходящий к югу полуостров — Петровскую кошку.

Опись не была достаточно подробной, так как велась на ходу с «Байкала», следовавшего все время в виду берегов. Побережье на карте было ранее положено столь неверно, что путь корабля, по этим картам, должен был бы идти по материку. По пути Невельской заходил с описью в Ульбанскую губу, открыл и описал к востоку от нее глубоко вдающийся в сушу залив святого Николая.

У мыса Мухтель Невельской заметил посланные ему навстречу из Аяна две байдарки с прапорщиком

Д. И. Орловым. Орлову было поручено, в случае встречи с Невельским, сообщить ему, что в Аяне его ждут распоряжения из С.-Петербурга.

3 (15) сентября «Байкал» был уже в виду Аянского порта, где, как оказалось, в это время находился генерал-губернатор Н. Н. Муравьев. Не успел «Байкал» бросить якорь, как на борт явился штабс-капитан Н. М. Корсаков, приехавший курьером в Аян для передачи Невельскому запоздалой, но все же утвержденной Николаем I инструкции, в которой ему предписывалось проверить правильность исследований Гаврилова в Амурском лимане.

Корсаков сообщил, что «Байкал» давно разыскивается самим Муравьевым, который из Петропавловска проследовал к северной оконечности Сахалина и, не встретив его там, послал Корсакова к Тугурской губе, где он несколько раз пересекал пути, которыми «Байкал» должен был пройти по окончании описи Тугурской губы в Аян или Охотск. И Муравьев и сам Корсаков, а также все в Аяне считали «Байкал» давно погибшим. Поэтому велико было смятение и вместе с тем радость, когда он неожиданно показался на горизонте. Через несколько минут на «Байкал» прибыл Муравьев со своим штабом. Все с любопытством слушали рассказ Невельского о сделанных открытиях.

Уже на следующий день Корсаков был отправлен с рапортом Невельского и с письмами Муравьева к Меншикову, в которых тот, между прочим, отмечал огромное значение последствий, вытекающих для России из открытий Невельского. Он подчеркивал, что все это было произведено без всяких специальных ассигнований, исключительно на суммы, отпущенные лишь для доставки груза из Кронштадта в Петропавловск.

Позднее Невельской, бросая ретроспективный взгляд в прошлое, писал, что если бы он ограничился одной доставкой груза, вмененной ему в качестве основной задачи, если бы он не решил идти из Петропавловска в Амурский лиман, то и наши суда в Тихом океане, и доблестные защитники Петропавловского порта, с успехом отбившие нападение превосходных сил англо-французской эскадры, напавшей на него в войну 1854—1855 годов,

могли бы стать достоянием неприятеля, а весь край оказаться занятым какой-либо иностранной державой. «Тогда бы суда союзной неприятельской эскадры не имели бы повода блокировать низовья Амура, тем самым фактически признавая в них не владение Китая, а России. На это обстоятельство при заключении айгунского трактата с Китаем и ссылались потом, как на один из главных аргументов при окончательном установлении государственных границ. Из этого ясно вытекает, что без своевременных исследований и занятия устья Амура и неразрывно связанных с ним берегов Татарского пролива эти места могли бы быть навсегда потеряны для России». Так оценивал результаты своих исследований сам Невельской в законченных им незадолго перед смертью записках.

Когда отправленный с Корсаковым рапорт Невельского дошел до С.-Петербурга, он произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Ни Нессельроде, ни Врангель не хотели верить тому, что услышали и увидели, и, считая поступок Невельского (плавание в лимане до получения инструкций) дерзким, требовали примерного наказания его. Такова была первая реакция бюрократов в отношении человека, который смело и упорно, не считаясь с предписаниями и угрозами репрессий, открыл новые горизонты перед родиной. Но какое дело было всем этим «кисель вроде» (как называли тогда в народе министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде), чуждым России и ее народу, до славы страны, которой они должны были служить и которую они в лучшем случае не понимали.

В январе 1850 года Невельской прибыл в Петербург для того, чтобы дальше защищать самому свое дело. Здесь на заседании Особого комитета, где под председательством Нессельроде должны были рассматриваться результаты наблюдений Невельского и представление Муравьева о необходимости немедленного занятия устья Амура, ему было заявлено, что его данные противоречат известным авторитетам (Лаперуз, Браутон, Крузенштерн) и потому должны быть признаны ошибкой, а что касается китайских флота и войска на Амуре, то в Петербурге точно известно, что они реально существуют и

что потому сам он должен подвергнуться за ослушание примерному наказанию.

Несмотря на защиту материалов Невельского и представления Муравьева Меньшиковым и министром внутренних дел Л. А. Перовским, большинство членов Особого комитета склонилось ко мнению «...ни под каким видом и предложением не занимать лимана и устья реки Амура». Однако новый материал вместе с тем побуждал и к уступкам. Генерал-губернатору Муравьеву решено было поручить основать в заливе Счастья, но отходить не в лимане, зимовье для торговли с гиляками и в нем поселить для охраны 25 казаков и матросов из Охотска. Наблюдение за исполнением всего этого поручалось Муравьеву, а для исполнения на месте этого решения в распоряжение Муравьева откомандировывался Невельской, произведенный 6 (18) декабря 1849 года за успешную доставку судна и грузов на Камчатку в капитаны 2-го ранга и на основании особого положения о службе в Сибири, которым предоставлялся ряд льгот, 3 (15) февраля 1850 года в капитаны 1-го ранга.

Описываемыми событиями, собственно говоря, и заканчивается наиболее интересная для географа часть деятельности на Дальнем Востоке Г. И. Невельского, но начинается вторая половина ее, наиболее важная по своим практическим результатам.

Как действовал Невельской дальше?

Да так же, как и начал — вопреки инструкциям...

Лишь только он прибыл 27 июня (9 июля) 1850 года в залив Счастья и, основав на северной — Петровской коске — зимовье, названное им Петровским, познакомился с результатами наблюдений уже упоминавшегося прапорщика Орлова, посланного сюда Муравьевым для наблюдения за состоянием замерзания и вскрытия залива Счастья, как им были приняты решения, шедшие вразрез с намерением Особого комитета. Из доклада Орлова он вынес убеждение, что в заливе Счастья, с постоянно меняющимся свой фарватер мелким баром, надежного военно-морского порта основать нельзя.

Невельской решает отправиться в Амур, о котором ему в Особом комитете было приказано и не думать. Поднявшись километров на 100 вверх по реке, он высадился

на берег, и от гиликов и приехавших для торговли маньчжуров узнал, что на всем пространстве от моря до Буреинского (он называет его, согласно принятой тогда терминологии, Хинганским) хребта и на нижнем Амуре нет ни одного китайского поста, что все народы, обитающие на Амуре и Усури, не платят ясака Китаю. Он узнал также, что в Татарском проливе и у берега Сахалина постоянно появляются иностранные суда, команды которых, высаживаясь у прибрежных селений, забирают у населения рыбу и бесчинствуют.

Не долго думая Невельской тут же заявил, что «хотя русские здесь давно и не были, но всегда считали Амур и... всю страну до моря с островом Сахалином своей принадлежностью». В связи с этим русское правительство решило поставить вооруженные посты в заливе Счастья и других местах побережья и взять под свою защиту всех обитающих тут жителей. Для оповещения же об этом иностранных судов он передал гиликам и маньчжурам соответствующее объявление, в котором от имени Российского правительства сообщал всем иностранным кораблям о том, что все побережье Татарского залива и весь Нижне-Амурский край до границы с Китаем и остров Сахалин составляют владения России. Невельской предлагал иностранцам в случае столкновения с населением за разрешением спорных вопросов обращаться к нему как правительственному уполномоченному или к назначенным им начальникам военных постов в заливе Счастья и в устье Амура.

После этого, спустившись вниз по течению до места, где ныне расположен город Николаевск-на-Амуре, Невельской 1 (13) августа 1850 года в присутствии собравшихся из окрестных деревень гиликов поднял русский военный флаг, произведя ему салют из ружей и фалькнетов. Основав тут Николаевский пост, Невельской на оленях отправился в Петровское зимовье, где лично сообщил капитанам стоявших на рейде гамбургского и американского китобойных судов о принадлежности этого края России.

В оправдание своих действий Невельской тотчас же пишет Муравьеву о причинах подъема русского флага в зимовьях Амура. «Если бы я, — пишет он, — действовал

только в пределах данной инструкции, очень вероятно, что при последующих событиях, не действуя решительно и быстро, Амур был бы навеки потерян. Поэтому вся моральная ответственность перед отечеством пала бы справедливо на меня, если бы в виду указанных фактов угрозы со стороны иностранцев я не предпринял необходимых мер».

В декабре 1850 года Невельской снова прибыл в Петербург. При новом рассмотрении Амурского вопроса в Особом комитете, несмотря на поддержку Меншикова, Перовского и Муравьева, большинство членов комитета признало действия Невельского в высшей степени дерзкими и вынесло решение о разжаловании его в матросы. Вопреки очевидности, по настоянию Нессельроде, указывавшего, что по донесению русского посольства в Пекине «китайское правительство имеет уже... достаточное наблюдение за ниже-приамурским краем, чтобы отстаивать всякое покушение на него иностранцев с моря», комитет решает снять Николаевский пост, сохранить только Петровское зимовье для торговли с гилеяками, «отнюдь не касаясь реки Амура, его бассейна, Сахалина и берегов Татарского залива».

Казалось, все было кончено, но тут вмешался сам Николай I. Он понял, что в складывавшейся уже тогда для России неблагоприятной внешнеполитической обстановке, при условии, что действия Невельского уже получили за границей широкую огласку, добровольный уход России из никому не принадлежавшего Приамурья может быть расценен неблагоприятно, как признак ее слабости. Поэтому в беседе с Муравьевым, докладывавшим ему о действиях Невельского и своих несогласиях с мнением большинства в Особом комитете, Николай I сказал: «Где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен». Вопрос с Амуром, таким образом, получил то решение, на котором настаивал и за которое боролся Невельской.

Но... сам Невельской все же был разжалован в матросы. Однако император разорвал присланное ему для подписи постановление комитета о разжаловании в матросы, вернул Невельскому чин капитана 1-го ранга и наградил Владимирским крестом.

После этого состоялось новое рассмотрение Амурского вопроса; Невельской был назначен начальником Амурской экспедиции и, отправившись на Амур, начал осуществление со своими матросами и офицерами широко поставленной программы изучения края. Он посылает своих помощников вверх по Амуру и Амгуни до реки Уды и восточных склонов хребтов Буреинского и Ям-Алинь и южных предгорий Станового хребта для проверки сообщения академика Миддендорфа о поставленных якобы там китайцами пограничных знаках, сложенных из камней в виде пирамиды.

Невельской изучает озеро Кизи и существующие перевалы с Амура через Сихотэ-Алинь к побережью Татарского пролива. Лейтенант Бошняк отправляется на Сахалин для проверки полученных от гиляков сведений о находках там каменного угля. За короткий срок он достигает огромных результатов. А между тем не было ведь самого необходимого: не хватало пищи, обуви, одежды. Вместо стекол рамы были закрыты миткалем, что при сильных морозах и сильных ветрах вызывало множество заболеваний.

В результате голода гибнет и родившаяся здесь у Невельского, незадолго перед тем женившегося и приехавшего сюда с молодой женой, его дочь. Он начинает жаловаться на забвение элементарных нужд экспедиции, на нерегулярное снабжение его команд продовольствием, что было возложено на Российско-американскую компанию; отсюда возникает масса неудовольствий и нареканий на и без того не отличавшегося покладистым нравом Невельского.

Формально по причине израсходования всех сумм (59 тысяч рублей), отпущенных на содержание экспедиции, а главным образом в порядке сведения личных счетов, Правление Российско-американской компании летом 1852 года не прислало с пришедшим на Петровский рейд корветом «Оливуц» никаких продовольственных припасов. Невельской разразился потоком жалоб, сознавая великолепно, что он не получит ни крошки продовольствия до конца навигации.

Но в конце сентября 1852 года из Аяна в Петровское пришел корабль Российско-американской компании и

привез крайне недостаточное количество съестных припасов, которые на свой страх и риск посылал начальник Аянского порта. Между тем команды уже были ослаблены неудовлетворительным питанием и работой в тяжелых условиях. Полугодовая холодная зима, почти полное отсутствие медикаментов вызвали новую вспышку болезней и смертей. Только до 1 декабря 1852 года от начавшейся цынги погибло три человека.

Даже в сознании надвигавшейся катастрофы и голодной смерти для уже измученных и плохо одетых сотрудников экспедиции Невельской не покидает своего поста. Он пишет Муравьеву трагическое письмо, в котором говорит, что, несмотря на происшедшее, он все же не теряет надежды на то, что ему «дадут наконец средства для великой государственной цели, каковую преследует вверенная ему экспедиция, не страшась ни тяжелой ответственности, ни опасностей, ни лишений. Только эта надежда одушевляет меня и моих сотрудников, которые с твердостью духа... переносят все трудности и опасности; но всему на свете есть предел, переступить который не следует».

Невельским учреждаются посты в заливе де-Кастри и на Сахалине в заливе Уанды. Одновременно он продолжает получать предписания из Петербурга не занимать Сахалин, не занимать правого берега Амура, не делать то, не делать это. Но Невельскому было виднее на месте. Поэтому в записках он пишет, что «важнейшие вопросы, пограничный и морской, обуславливавшие важное значение для России этого края в политическом отношении, вопросы, к разрешению которых напрягала все усилия амурская экспедиция, были как в С.-Петербурге, так... и в Иркутске упущены из виду. На моей совести лежало навести на них высшее правительство, а чтобы достигнуть этого, надобно было действовать решительно, то есть несогласно с инструкциями, которые не соответствовали этой главной цели». Весьма естественно, что в таких условиях, в ответ на получаемые распоряжения, Невельской, как пишет он сам, не мог ответить иначе, как «предписание получил, но действую так-то».

Представления Невельского в Петербург помогли, дойдя до сознания, что нельзя губить людей из-за лич-

ных счетов, возникающих в результате переписки на расстоянии нескольких тысяч километров. По личному распоряжению императора Николая I Российско-американская компания получила возмещение всех уже понесенных ею в связи с экспедицией убытков и дополнительно 100 000 рублей на расходы по снабжению экспедиции Невельского. Одновременно Невельской получил от правления компании сообщение о выделении для него 16-тонного катера, гребных судов и всех нужных экспедиции припасов.

«Эти бумаги, — говорит Невельской, — показывали, что правительство начало, наконец, обращать на экспедицию внимание».

23 мая (4 июня) 1853 года лейтенант Бошняк занимает на побережье Татарского пролива залив Хаджи, названный Невельским гаванью императора Николая (теперь Советская гавань) — одну из лучших гаваней на земном шаре.

Созвав на берегу всех гиляков, Бошняк объявил им, что так как вся страна до корейской границы русская, то все гиляки поступают под защиту и покровительство России; тут же он дал им для передачи иностранным судам соответствующие, заготовленные Невельским тексты официального заявления на русском, французском и немецком языках.

Результаты работы Бошняка к югу от залива де-Кастри были огромны: он был первым европейцем, точно нанесшим на карту береговую линию Татарского пролива, выяснившим при этом неточности карт Лаперуза и Браутона.

Признанием заслуг и значения работ руководимой Невельским амурской экспедиции было награждение его орденом Анны 2-й степени.

11 (23 июля) 1853 года Невельской получил из Петербурга распоряжение учредить посты в Кизи и де-Кастри, занять остров Сахалин (который, как показали сведения, доставленные Бошняком, не принадлежал ни Японии ни Китаю) и основать там военные посты, куда из Камчатки должны были быть направлены 100 солдат при двух офицерах. В ответ на это он сообщает, что и Кизи и де-Кастри давно за-

няты, а так как назначенные команды с Камчатки не прибыли, то он решился действовать сам с наличными силами.

Через три дня — 14 (26 июля) — Невельской — уже на палубе «Байкала» в плавании вдоль берегов Сахалина. 30 июля (11 августа) он подошел к заливу Анива на южном Сахалине, где не обнаружил ни одной сколько-нибудь закрытой гавани.

Затем он едет в Николаевскую гавань и 6 (18) августа основывает там Константиновский пост, после чего заходит в де-Кастри, где передает командование «Байкалом» подпоручику Семенову, поручая ему высадить подпоручика Орлова с командой из 8 человек на западном берегу Сахалина, с целью основать под 50° северной широты Ильинский пост, а затем, пройдя вдоль западного берега острова, к 20 сентября (2 октября) быть в заливе Анива. После этого Невельской пешком из де-Кастри прошел на озеро Кизи, и там на берегу Амура им был основан Мариинский пост; 17 (29) августа Невельской вернулся в Петровское. Только 26 августа (7 сентября) в Петровское из Петропавловска прибыл на корабле «Николай» майор Н. В. Буссе с десантом, назначенным для занятия Сахалина.

После непродолжительных приготовлений «Николай» вышел 7 (19) сентября из Петровского и 20 сентября (2 октября) вечером стал на якорь против селения Тамари-Анива на южном Сахалине. Вскоре корабль подошел близко к берегу, на баркас посадили первых 25 человек десанта, а затем были перевезены и все остальные. Вслед за этим на берегу была сооружена мачта, на которой, перед собравшейся толпой населения и построеными в четыре шеренги солдатами и матросами, был поднят русский военный флаг; был отдан салют из пушек и ружей. Этим в Тамари-Аниве было возведено о присоединении Сахалина к России. «Ясная и тихая погода, — пишет Невельской, — совершенно гармонировала мирному занятию главного пункта острова». В Тамари-Аниве был учрежден Муравьевский пост, начальником которого был назначен Н. В. Буссе.

17 (29) апреля 1854 года в Николаевскую гавань пришел описанный И. А. Гончаровым фрегат «Паллада»

под флагом вице-адмирала Путятина, который привез известие о начавшейся войне с Турцией и возможном разрыве отношений с Англией и Францией, а также о назначенном на ближайшее будущее прибытии на Амур самого Муравьева.

Из переписки генерал-губернатора Муравьева известно, что в своих представлениях для утверждения всех начинаний Невельского он неоднократно отмечал опасность, какая угрожала бы Сибири, если бы англичане основали свои колонии в низовьях Амура и на Сахалине. Невельской неоднократно указывал, что тот, кто будет владеть Амуром, тот будет владеть и Сибирью, и владеть прочно, по крайней мере до Байкала. Еще в 1849 году Муравьев сообщал министру внутренних дел, что путешествующие по Сибири англичане собирают «под видом туристов и невинных ревнителей науки сведения о Камчатке, Амуре и сообщениях их с Сибирью».

После всего этого перед лицом надвигающихся событий правительство решило действовать.

Зимой 1853—1854 годов началась постройка на Шилке первого в Амурском бассейне парохода.

12 (24) апреля 1854 года Муравьев, сообщая Невельскому о новой награде — ордене Владимира 3 степени, писал ему, что команды, назначаемые для укомплектования экспедиции в Николаевске, спускаются по Амуру из Сретенска.

Между тем уже 4 (16) мая 1854 года Невельской получил известие о том, что Муравьев сам спускается с командами по Амуру, и сделал из этого вывод о последовавшем разрыве с западными державами.

14 (26) мая Невельской встретил флотилию Муравьева на Амуре в 7 км от Мариинского поста.

От Муравьева Невельской узнал о причинах, побудивших правительство разрешить сплав по Амуру. Оказалось, что работавшая в Удском крае экспедиция подполковника Ахте подтвердила собранные Невельским сведения о направлении Хинганского, то-есть Буринского, хребта и что таким образом по крайней мере нижнее течение Амура должно принадлежать России. Напряженность политической обстановки лишь подтолкнула правительство на решительные действия.

Открытие Невельским пролива между Сахалином и материком не было известно в Европе. Поэтому, когда русская тихоокеанская эскадра, собравшаяся к тому времени в заливе де-Кастри, смогла уйти оттуда от превосходящих сил неприятельского флота в Амурский лиман, она оставила английского командора Эллиота в полном недоумении: на юг никто не проходил, а на север тоже прохода нет. Своевременность исследований Невельского сохранила для России подавляющую часть ее тихоокеанского флота.

В январе 1855 года Невельской получил известие о своем производстве в контр-адмиралы. Шли последние месяцы его пребывания на нижнем Амуре.

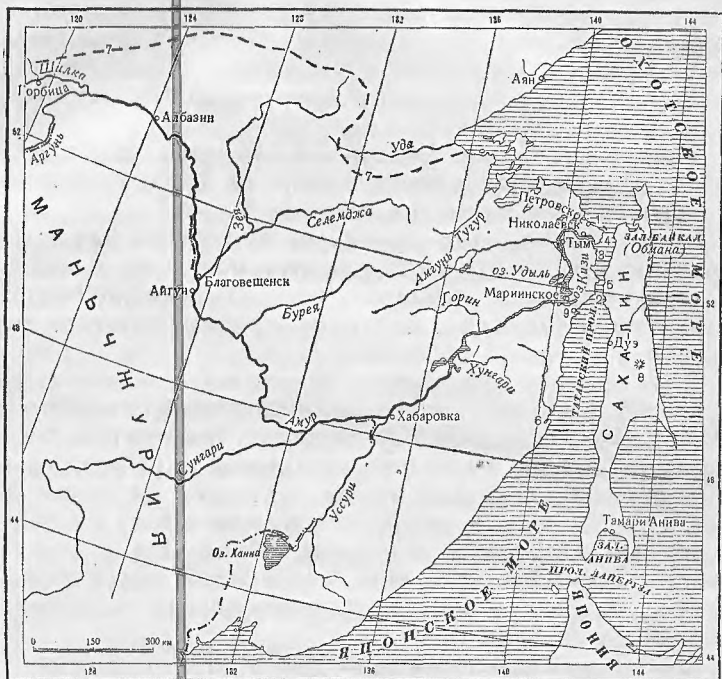
Весною 1855 года по реке были доставлены для заселения нижнего Амура первые партии иркутских и забайкальских крестьян, началась регулярная колонизация края, организовывались по Амуру в разных участках его течения постоянные поселения.

С прибытием на Амур Муравьева, назначенного главнокомандующим всеми вооруженными силами в устье Амура, экспедиция Невельского прекратила свою работу, а сам он в качестве начальника штаба главнокомандующего был фактически отстранен от руководства. Это возникло в значительной мере в силу расхождений во мнениях и действиях Муравьева и самого Невельского. Оба обладали достаточной настойчивостью. Понятно, что верх могла взять только та сторона, на которой была сила.

Одним из существенных вопросов этих расхождений был вопрос о Петропавловском порте, как главном русском порте на Тихом океане, защищавшийся Муравьевым, в то время как Невельской, наоборот, настаивал на создании такого порта на Амуре. Жизнь опрокинула соображения и доводы Муравьева. Когда началась война с Англией и Францией, он сам должен был снять Петропавловский порт, перевести все его население, имущество и суда в устье Амура. Невельской, таким образом, оказался прав, когда неоднократно писал об этом Муравьеву задолго до наступления обстоятельств, вызвавших эвакуацию Петропавловска. Правильность точки зрения противника не могла нравиться Муравьеву, и он

постарался убрать со своего пути такого самостоятельного в поступках человека, как Невельской.

Поэтому, когда осенью 1855 года Муравьев покинул низовья Амура, направившись через Аян в Иркутск,

1 — залив Счастья, 2 — пролив Невельского, 3 — мыс Пронгд, 4 — мыс Тебах, 5 — мыс Погоби, 6 — залив Хаджи (позднее Императорская, ныне Советская гавань), 7 — граница России по Нерчинскому договору, 8 — гора Невельского, 9 — залив Нангмар (теперь де-Кастрц)

Невельской в качестве начальника его штаба оказался человеком без обязанностей. Ему ничего не оставалось делать, как со вскрытием Амура начать готовиться к возвращению в Россию. В это время под командованием Буссе по Амуру начался третий сплав. Он доставил сведения о заключении мира с западными державами.

Невельской морем через Аян, а затем через тайгу и горы с тремя детьми в корзинах и женой добрался до Лены, а оттуда все благополучно прибыли в Иркутск.

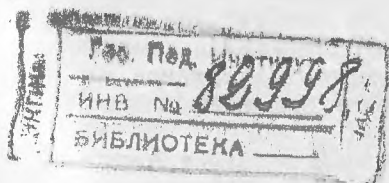
В конце октября 1856 года Невельской вернулся в Петербург. Здесь его все поздравляли, говорили, что заслуги его не будут забыты; но судьба сулила иное: ему многие не могли забыть самостоятельности мнений и действий. Поэтому, когда был подписан, а позднее и ратифицирован айгунский трактат, закреплявший за Россией огромные территории на левом берегу Амура, о Невельском вспомнили, но своеобразно. В то время как Муравьеву был дан титул графа Амурского, контр-адмирал Невельской получил всего лишь орден Анны 1-й степени и двухтысячерублевую пенсию. Почти такую же награду получил и председатель Российско-американской компании Политковский, награжденный пенсией в 2 000 рублей.

Таким образом, решение Амурского вопроса было приписано совершенно несправедливо Муравьеву, а об инициаторе и главном исполнителе всего дела Г. И. Невельском, обнаружившем столько энергии и моральной устойчивости, просто постарались не вспоминать. Так современники оценили деятельность Невельского. А между тем если бы начало выполнения плана занятия низовьев Амура принадлежало Муравьеву, то на каком же основании разжалованию в матросы подвергся не Муравьев, а подчиненный ему капитан 1-го ранга Г. И. Невельской? Справедливость требует отметить, что без поддержки и сочувствия Муравьева Невельской не смог бы осуществить в полной мере своих планов, но несомненно и то, что сам Муравьев при всех добрых пожеланиях не смог бы осуществить того, что сделал Невельской, по достоинству оценивший значение Амура и понявший, что легко потерянное трудно возвращается. Поэтому он и отважился вопреки запретам Невельского провести в жизнь свою мечту о занятии огромного края, полного бесценных богатств. Это заслуги Г. И. Невельского никогда не забудет его родина.

Последние 20 лет жизни для Невельского, чрезвычайно живого и деятельного человека, были тоскливы. Он был назначен членом ученого отделения Морского

технического комитета, в котором заседали старики, а он был еще молодым и полным сил 40-летним адмиралом. Он никогда больше не увидел палубы корабля и никогда не был ни в каком плавании. Опасаясь самостоятельных поступков и злого языка, его больше никуда не выпускали. Умер Невельской 17 (29) апреля 1876 года в С.-Петербурге, в возрасте 63 лет, за два года до смерти произведенный в адмиралы. В память деятельности Невельского на дальнем Востоке его именем были названы высшая точка острова Сахалина и открытый им пролив в сужении между Сахалином и материком.

В увековечение заслуг Невельского ему и его сотрудникам в 1891 г. во Владивостоке по подписке был сооружен памятник по проекту А. Н. Антипова.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Владимир Атласов и открытие Камчатки	5
Первый исследователь Камчатки	17
Плавание письменного головы Василия Пояркова из Якутска на Амур и в Охотское море	38
Открытия Г. И. Невельского в низовьях Амура	51

2228

Редактор *Р. А. Ерамов*
Обложка работы *Б. Н. Гутенко*
Портреты работы *П. А. Миронова*
Редактор карт *А. А. Ульянов*
Худ. редактор *А. М. Иванов*

Сдано в производство 11/VI 46 г.

Подписано к печати 20/VI 46 г.

А08219. Сбъём 5 п. л. уч.-изд. 4,4

Тир. 50.000

3-з тип. «Красный пролетарий» треста
«Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете
Министров РСФСР, Москва,
Краснопролетарская, 16.

68